

Блейз Уиндхем

Автор:

[Бертрис Смолл](#)

Блейз Уиндхем

Бертрис Смолл

Блейз Уиндхем #1Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Ослепительная красавица Блейз Уиндхем становится предметом вожделения короля Генриха VIII – и, конечно, не вправе отказать коронованному поклоннику. Неожиданно в жизнь прекрасной и несчастной фаворитки врывается бурная любовь к великолепному лорду Энтони, которого она должна бы всем сердцем ненавидеть. Но возможно ли счастье для женщины в мире, где правит жестокость и плетутся изощренные интриги?..

Бертрис Смолл

Блейз Уиндхем

Bertrice Small

BLAZE WYNDHAM

© Bertrice Small, 1988

© Перевод. У.В. Сапцина, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Эшби-Холл, июль 1521 года

– Это невысказимо, – безнадежно произнес лорд Морган. – Просто невысказимо наделить приданым восемь дочерей! Какое будущее ожидает их при таких обстоятельствах? Должно быть, мои девочки появились на свет в Богом проклятый день! – Его плечи в отчаянии поникли.

– О, дорогой мой, не говори так! – запротестовала его жена, ловя мужа за руки и вглядываясь в его лицо блестящими от слез голубовато-серыми глазами. – Во всем виновата только я, Роберт! Если бы только Гевин родился первым, а не восьмым, все было бы гораздо проще. Но на твоём месте я не стала бы отчаиваться! Несомненно, у нас хватит приданого для одной из дочерей, и тогда, возможно, она поможет сестрам сделать хорошую партию. Пусть мы бедны, но зато наши дочери – отменные красавицы, а уж я-то знаю: для мужчин это значит немало!

Роберт Морган печально вздохнул и, утешая, обнял свою очаровательную жену. Ну как ей объяснить, что лишь чудо поможет им наскрести приданое даже для старшей дочери? И как признаться, что с таким приданым не привлечешь внимания стоящего жениха с известным именем? Ведь большинство титулованных особ с колыбели обручены с другими титулованными особами, и, только заняв достойное место при дворе, его дочь сумеет помочь сестрам обзавестись мужьями. Этих мужчин должна уж слишком пленить красота сестер Морган, чтобы они махнули рукой на отсутствие приданого. Как объяснить все это милой, любимой жене? Каким образом дать понять ей, что изысканная красота дочерей – не только дар Божий, но и тяжкий крест? Только благодаря их бедности и отдаленности поместья дочери лорда Моргана остались невинными, избежали искушения занять менее чем почетное место в мире.

Но его милой Розмари не следовало знать о подобных вещах. Дочь сельского сквайра, она родилась и выросла в деревне. За всю свою жизнь она не бывала дальше ближайшего города Херефорда. Из нее вышла добрая жена, заботливая мать, бережливая владелица поместья и попросту славная женщина.

Единственным ее недостатком стало обилие дочерей, произведенных на свет. Однако за шестнадцать лет супружеской жизни у нее не умер ни один ребенок, она не переставала одаривать мужа наследниками и никогда не одолевала его пустячными жалобами. Лорд Морган считал, что он счастлив в браке.

Склонившись, он поцеловал жену в пепельно-белокурую макушку.

– Мне пора всерьез задуматься об этом, дорогая. Оставь меня одного, – попросил он, и Розмари Морган послушно удалилась со сдержанной торжествующей улыбкой, зная, что муж непременно все уладит, как это ему удавалось всегда.

Лорд Морган подошел к окну своей маленькой библиотеки. Эшби было прекрасным поместьем, богатым плодородной землей, а этой земле предстояло отойти Гевину, пятилетнему сыну и наследнику лорда Моргана. Морганы владели этими землями еще со времен короля Вильгельма, и потому продать хотя бы пядь своих владений казалось лорду Моргану невыносимым. Возможно, до этого дело и не дойдет, если он сумеет удачно выдать замуж дочерей. Но за кого бы ни выходила замуж женщина – за дворянина или за простолюдина, она обязана принести ему приданое.

По пастбищам Эшби некогда бродили многочисленные стада овец. Именно благодаря овцам семейству удалось сколотить небольшое состояние. Морганы никогда не считались влиятельными людьми, но они ни в чем не нуждались. Они всегда давали за дочерьми солидное приданое, отправляли хорошо вооруженных сыновей защищать Англию (один из них был даже епископом), и они исправно платили налоги.

Так было до тех пор, пока двенадцать лет назад мор не погубил их стада. А через два года небольшое стадо, восстановленное с огромным трудом, постигла та же участь. В это второе стадо было вложено, до последнего гроша, все скромное состояние семьи, но жертва оказалась напрасной. Вновь обеспечить процветание семейства его главе так и не удалось.

С тех пор лорд Морган вел бесконечную битву, добывая деньги для уплаты налогов и для того, чтобы прокормить семью и слуг. Скромными, но ощутимыми успехами он был обязан своей непреклонной решимости не продавать земли. Но теперь, оглядывая поля и пологие холмы, он все чаще задумывался о продаже – или по крайней мере о назначении небольшого земельного участка в приданое

каждой из дочерей. При этой мысли он в досаде покачал головой. Разве достойный человек удовлетворится такой малостью? И потом, он не имел права лишать сына наследства. Но равным образом он был не в состоянии выдать дочерей за менее знатных или уважаемых людей – в таком случае, пусть уж лучше остаются старыми девами. Положение казалось лорду Моргану совершенно безнадежным, и он чувствовал себя, как зверь, попавший в капкан.

Негромкий стук в дверь библиотеки оторвал его от невеселых размышлений.

– Входите, – произнес лорд, и на пороге появился один из слуг.

– Прибыл всадник, милорд. Он желает видеть вас.

Лорд Морган кивнул.

– Просите его сюда, – ответил он, и слуга обернулся, кивая кому-то за своей спиной. Роберт Морган подавил слабую улыбку при мысли, что его слуги не отличаются тонкими манерами.

– Лорд Морган? – к нему шагнул незнакомец, по виду – лакей в оранжевой с золотым шитьем ливрее.

– Да, это я.

– Мой господин, лорд Эдмунд Уиндхем, находится в часе езды от Эшби и просит принять его. Мне велено дожидаться ответа.

Роберт Морган изумленно приподнял бровь. Эдмунд Уиндхем, эрл Лэнгфордский, богатая и весьма загадочная особа! Что могло понадобиться такому человеку от лорда Моргана? Однако Роберт не желал произвести впечатление негостеприимного хозяина.

– Почту за честь принять у себя эрла, – ответил он слуге в ливрее.

Тот самым учтивым манером поклонился ему и покинул комнату.

Лорд Морган нетерпеливо задергал витой шнур колокольчика, висящего у камина.

– Скорее позовите сюда госпожу, – приказал он появившемуся слуге. – Только что здесь был посыльный эрла Лэнгфордского, – объяснил он жене несколько минут спустя. – Эрл появится через час. – Он посмотрел на жену, ожидая, как она воспримет новость.

– И останется на обед? – встрепелась леди Розмари. – О Благословенная Дева, надеюсь, нет! Мы не можем подать ни мяса, ни дичи, ни рыбы – ничего, кроме супа. Я разрешила кухарке нарезать ту старую тощую курицу, которая уже давно перестала нестись. К обеду у нас будет лишь суп и хлеб, Роберт! Посуди, можно ли предлагать такой обед даже простому гостю, не говоря уж про эрла?

Роберт улыбнулся.

– Слуга не упомянул, что эрл останется на обед. Он просто собирался заехать и повидаться со мной. Кстати, слева в погребе, уцелела с лучших времен фляжка мальвазии. Скажи, а печенье у нас найдется?

Розмари кивнула, слегка успокоившись.

– Вот и хорошо, – заключил лорд Морган. – Такого приема будет довольно для нежданного гостя, дорогая.

– Только перемените белье, милорд, – напомнила ему жена. – У вас на рубашке, прямо спереди, жирное пятно. Не годится принимать гостей в таком виде.

– Сию же минуту переоденусь, – пообещал Роберт.

И они поспешили разойтись: леди Розмари – исполнять обязанности хозяйки дома, лорд Роберт – на поиски свежей рубашки. Вскоре он вновь спустился вниз, облаченный в свой лучший, черный с шитьем, почти не ношенный, и потому отлично сохранившийся камзол, чистую, крахмальную рубашку с рюшами у ворота и на манжетах, черные бархатные бриджи, чулки в алую и черную полоску и черные туфли с квадратными носами. Тяжелая серебряная цепь с инкрустированным гранатами медальоном возлежала на дорогой ткани камзола.

Она представляла собой единственную драгоценность лорда Моргана – помимо фамильного кольца червонного золота с зеленым, как кошачий глаз, бериллом – лорд носил его на левой руке, вместе с простым золотым обручальным кольцом, подаренным женой еще в давние времена.

– Ты по-прежнему самый привлекательный из известных мне мужчин, – объявила леди Розмари Морган мужу.

Роберт улыбнулся.

– А вы, мадам, прекрасны, как в первый день нашего знакомства.

– Нет, я постарела, – вздохнула леди Розмари.

– В самом деле? Не замечал, – галантно отозвался ее супруг.

Розмари мило порозовела и негромко произнесла:

– Я люблю тебя, Роберт, всегда любила и всегда буду любить.

Минуту они смотрели друг на друга, не отрываясь. А затем снаружи послышался стук копыт по усыпанной гравием аллее, и лорд Роберт взял жену под руку и повел к двери, чтобы оказать знатному гостю надлежащий прием.

Карие глаза Эдмунда Уиндхема не упустили ни единой мелочи, пока он проезжал через поместье. Земля вокруг была плодородной, но дурно возделанной. Он заметил, что леса уже вторглись на территорию пастбищ. От деревенских домов, несмотря на их опрятность, веяло бедностью, а играющие в пыли возле домов дети одеты в лохмотья и явно недоедают. Однако они выглядели довольно резвыми, а лица, появляющиеся в окнах деревенских хижин, казались дружелюбными и любопытными. Возможно, лорд Морган хоть и небогат, но хороший хозяин.

Впереди, в конце аллеи, Эдмунд Уиндхем разглядел хозяина поместья, стоящего на ступенях внушительного каменного дома. Под руку лорд Морган держал миниатюрную хорошенькую женщину в шелковом платье винного цвета, длинная верхняя юбка которого приоткрывала кремовую нижнюю, расшитую

крошечными черными и золотистыми цветами. Ее белокурые волосы, разделенные пробором, лишь слегка прикрывал плотно облегающий золотистый чепчик. «Несомненно, хозяйка поместья нарядилась в свое лучшее платье», – решил лорд Уиндхем и улыбнулся. Супруги оказались красивой парой.

Остановив коня перед крыльцом дома, он с небрежной грацией спешил и произнес:

– Лорд Морган? Я – Эдмунд Уиндхем. Премного благодарен, что вы согласились принять меня – несмотря на то, что о моем прибытии мне не удалось известить вас заранее.

– Хотя прежде мы не встречались, сэр, вы всегда желанный гость в Эшби. Позвольте представить вам мою жену, леди Розмари.

Эдмунд Уиндхем склонился над рукой леди Морган и учтиво прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони.

– Мадам, знакомство с вами – большая честь для меня, – произнес он.

Она низко присела.

– Мы рады принять вас в Эшби, милорд.

«Приятный голос, несмотря на деревенские манеры», – подумалось Эдмунду.

– Прошу вас в дом, милорд, – пригласил Роберт Морган, с беспокойством озирая свиту эрла, состоящую по меньшей мере из дюжины лакеев.

Эдмунд Уиндхем заметил этот брошенный украдкой взгляд и небрежно сказал:

– Если моим слугам позволят напоить лошадей, они подождут меня здесь.

– Должно быть, они сами измучились от жажды, милорд, – возразила леди Морган. – Я велю слугам принести им сидра. Сожалею, что не могу предложить вина – наш погреб слишком мал.

Эрл улыбнулся ей, и дрожь прошла по телу Розмари Морган до кончиков пальцев.

– Им будет вполне довольно воды, уверяю вас, мадам. Сладкий сидр – это уже баловство. Хотя должен поблагодарить вас за гостеприимство. – Он повернулся и последовал за хозяином в дом.

Отдав ожидающим слугам краткие приказания, леди Розмари поспешила вслед за ними. Подав мужчинам в библиотеку мальвазию и сладкое печенье, она повернулась, чтобы уйти.

Но эрл остановил ее.

– Вероятно, милорд, вашей супруге лучше остаться. То, с чем я прибыл, касается вас обоих.

Лорд Морган кивнул жене, и она устроилась в кресле рядом с ним.

– Прошу вас, говорите, милорд, – предложил он.

– На протяжении восемнадцати лет, – начал эрл, – я был женат на леди Кэтрин де Хейвен. Тринадцать месяцев назад скончалась моя жена. Мы были бездетны. У меня есть наследник, старший сын моей сестры, но самому мне еще тридцать пять лет – достаточно времени, чтобы стать отцом. Насколько мне известно, у вас восемь дочерей. Надеюсь, что одна или несколько из них уже достигли брачного возраста, я прибыл просить в жены вашу дочь.

Роберт Морган услышал, как его жена тихо ахнула, и подумал, не отвисла ли от удивления его собственная челюсть. Однако из его уст прозвучал сдержанный ответ:

– Это большая честь для меня – породниться с вами, милорд! У меня и вправду есть дочери на выданье, но, несмотря на древность рода и обширное поместье, я небогат. Не далее, как сегодня, мы с женой беседовали о том, что затруднительно для нас снабдить приданым хотя бы одну дочь, не говоря уж о восьми. Мне нечего предложить в приданое, кроме крошечного клочка земли. Несомненно, мужчина в вашем положении имеет право рассчитывать на более

состоятельную невесту. Не стану обманывать вас, лорд Уиндхем. Как бы мне ни было отрадно видеть одну из своих дочерей графиней, боюсь, нашему семейству не под силу соперничать с многочисленными богатыми невестами. Тем не менее благодарю вас за столь лестное внимание.

– Еще до прибытия в Эшби я был осведомлен о вашем положении, сэр, – отозвался эрл. – Земли, деньги, связи – всего этого у меня с избытком. Мне недостает лишь детей. Мне нужен сын, и мать моего ребенка должна быть сильной и здоровой женщиной. А Кэти была хрупкой, слабой здоровьем, мы с ней были помолвлены еще с младенчества. Земли ее отца не уступали по величине владениям моих родителей. Наш брак считался удачным. Мы с женой знали друг друга всю жизнь. Подобно самой королеве Екатерине, моя Кэтрин страдала выкидышами и несколько раз рожала мертвых детей, омрачая счастливые во всем остальном годы нашего союза. Она умерла, разрешившись от бремени единственным из наших детей, который появился на свет живым. Но увы, наш сын последовал за матерью, не прошло и нескольких часов. Они были похоронены вместе.

На краткий миг голос эрла дрогнул, и он опустил голову, чтобы скрыть боль, а затем продолжал уже спокойнее:

– Мне говорили, сэр, что леди Розмари не потеряла ни единого ребенка – ни до рождения, ни после. Наверняка дочь такой здоровой женщины тоже окажется крепкой. Вот почему я и прибыл к вам, лорд Морган, вот почему прошу дать мне в жены одну из ваших дочерей. Кто-нибудь из них уже достиг брачного возраста?

– Три, милорд, и четвертой тоже уже недолго ждать этого момента. Но опять-таки повторяю вам: я понятия не имею, как собрать приданое даже для одной дочери, а тем более для восьми.

– И все эти дочери здоровы, сэр?

– За всю свою жизнь они не хворали ни дня. Это и впрямь чудо, ибо мой в целом крепкий сын кашляет и чихает всю зиму – как и я.

– Тогда выберите из ваших дочерей ту, которую пожелаете, милорд Морган. Мне все равно, лишь бы она была достаточно взрослой, чтобы родить ребенка, и

обладала острым зрением. Сохраните земли для сына, а я приму вашу дочь без приданого. Более того. В качестве свадебного подарка я назначаю каждой из сестер собственное приданое, так что вы сможете выдать их замуж за достойных людей. Моя жена будет жить не хуже королевы, не будет нуждаться ни в чем, чего бы она ни пожелала. В этом я клянусь вам памятью моей покойной бедняжки Кэтрин.

Розмари Морган закрыла рот ладонью, сдерживая крик. Она не могла поверить собственным ушам, ибо происходящее было настоящим чудом. Их молитвы были услышаны. Серовато-голубые глаза леди Розмари широко открылись, и она перевела взгляд на мужа. Тот побледнел от потрясения. Казалось, понадобилась целая вечность, чтобы он вновь сумел овладеть собой.

Наконец лорд Морган испустил глубокий вздох, словно проясняя свои мысли, и произнес:

– Разумеется, я выбрал бы старшую. В последний день ноября ей исполнится шестнадцать. Ее зовут Блейз[1 - Блейз (англ. blaze) – вспышка, пламя. – Здесь и далее примеч. пер.].

– Странное имя, – заметил эрл.

– Все наши дочери получили необычные имена, – пояснила леди Морган. – Боюсь, в глубине души отец Иоанн осуждает нас. Чтобы настоять на своем, мне пришлось окрестить каждую из дочерей именем святых. Все они при крещении названы Мэри, но их знают под именами, которые выбрала я.

Эрл усмехнулся.

– И ваша дочь Блейз так же решительна, как вы, мадам? Будем надеяться, что имя не повлияло на ее нрав.

– Блейз – доброе дитя, сэр, но я буду откровенна с вами, – отозвалась леди Морган. – Она не робкого десятка, как и остальные мои дочери.

– Какие же имена вы дали остальным? – полюбопытствовал эрл.

– После Блейз родились Блисс и Блайт – старшие из близнецов, им по четырнадцать лет. Затем появилась Дилайт. Ей тринадцать, но ведет она себя еще совсем как ребенок. Нашей второй паре близнецов, Ларк и Линнет, по девять, Ваноре семь, а Гевину и его сестре Гленне – по пять лет.

Эрл с улыбкой оглядел лорда и леди Морган.

– Вашему чудесному семейству можно только позавидовать. В особенности благодаря сыну, – признался он.

– Бывали времена, когда даже я отчаивался иметь сына, – откровенно признался Роберт Морган.

– Но ведь он появился! – возразил эрл. – Молодая и крепкая жена родит сына и мне. Значит, решено, сэр? Вы согласны видеть меня своим зятем?

– Разумеется, я рад этому, хотя мне досадно знать, что моя дочь не принесет вам ни гроша в приданое. Но ради нее я готов поступиться своей гордостью, а еще больше – ради остальных дочерей. Я люблю их и желаю им только счастья.

Эрл и лорд Морган одновременно поднялись и пожали друг другу руки.

– Вы останетесь пообедать с нами, милорд? И заодно познакомиться с Блейз? – спросил лорд Морган.

Бедняжка Розмари возвела перепуганные глаза к небесам. Святая Дева Мария! Святая Анна! Неужто Роб позабыл, что к обеду нет ничего, кроме супа и хлеба?! «Только бы эрл отказался, и я тогда пешком дойду до Херефордского собора, чтобы поставить там свечу», – безмолвно поклялась она.

– Сожалею, но вынужден отклонить ваше приглашение, сэр, – ответил лорд Уиндхем. – Отсюда до моего дома – двенадцать миль, и мне следует успеть вернуться до темноты. Сегодня день рождения моей сестры, и я устроил вечер в ее честь. Как только брачный контракт будет составлен, я пришлю его вам. Вы можете вносить в него любые изменения, какие пожелаете, а затем верните подписанные контракты мне. О помолвке будет объявлено немедленно. Надеюсь, тридцатого сентября мы отпразднуем мою женитьбу на вашей дочери.

– Одну минутку, милорд, – вмешалась леди Морган. Поднявшись, она грациозно прошла по комнате к длинному столу, на котором стояла прямоугольная шкатулка темного дерева, отделанная серебром. Внутри шкатулки оказалось несколько миниатюр. Вынув первую из них, леди Розмари обернулась и протянула ее эрлу. – Наш престарелый родственник, Питер, развлекается, каждую весну рисуя миниатюрные портреты наших детей. Это последний из портретов Блейз. Надеюсь, вы не откажетесь принять его, милорд.

Приняв ее дар, эрл пристально взгляделся в гордое личико на миниатюре. До сих пор его помыслы настолько заполняла Кэти, что эрл даже не задумывался над тем, как может выглядеть его будущая жена. Впрочем, это его и не волновало – лишь бы она оказалась здоровой и исполнила свой супружеский долг, произвела на свет наследников.

Но сейчас его взгляду предстало на редкость красивое лицо – чистое, идеальной формы, с большими миндалевидными фиалково-синими глазами, окаймленными густыми темными ресницами. Впечатление отнюдь не портил слегка вздернутый носик. Рот оказался довольно мал, но губы были пухлыми и несколько выпяченными. «Такие губы неудержимо влекут к поцелуям, – подумалось эрлу, – если, конечно, их чувственность не была преувеличена художником». Золотисто-медовые волосы Блейз, разделенные спереди пробором, мягко и свободно вились вокруг прелестного лица.

С трудом оторвав взгляд от очаровательной миниатюры, он произнес:

– Мадам, я просил всего лишь жену, а вы предлагаете мне сокровище. Я ошеломлен и благодарен.

– Надеюсь, – отозвалась Розмари Морган со сдержанной улыбкой, – что вы не преминете сказать об этом моей дочери. За ней еще никто не ухаживал. Было бы обидно для нее упустить такую чудесную пору жизни.

– По-моему, – в тон ей заметил эрл, – повторить подобные слова Блейз не составит труда. При виде ее красоты у меня перехватило дыхание.

– Только будьте терпеливы с ней, милорд. Она молода, но крепка телом и рассудком. Тем не менее она достойна таких хлопот, уверяю вас.

Эдмунд Уиндхем кивнул.

– Мое излюбленное занятие – разведение роз, мадам. Розы – капризные растения. Чтобы увидеть на их стеблях идеальные бутоны, приходится прилагать немало трудов. Вы подарили мне восхитительную розу, и клянусь вам, я буду дорожить ею всю жизнь и терпеливо ухаживать за ней. – Поцеловав на прощание руку хозяйке поместья, он покинул библиотеку в сопровождении Роберта Моргана.

Леди Розмари смотрела, как муж провожает эрла к дверям. Мужчины переговаривались – так тихо, что леди не различала ни слова. Она взглянула на свою руку так, словно ожидала, что та преобразится, а затем тихо рассмеялась. Она вела себя, словно девчонка, но виной всему был эрл Лэнгфордский. На минуту Розмари почти позавидовала своей дочери, а затем загрустила. Блейз даже и не представляет, как ей посчастливилось!

Леди Морган торопливо поднялась по лестнице в детскую, где нашла старую Аду, няньку, вместе с тремя младшими детьми.

– Где мистрис Блейз? – спросила леди Морган.

Ада проницательно взглянула на госпожу и задумалась.

– Ларк и Линнет – на кухне, с кухаркой, или, может, на пастбище с жеребятами, что недавно родились...

Леди Морган терпеливо вздохнула. Старой Аде было известно решительно все, что творилось в Эшби, однако с возрастом она припоминала эти сведения все дольше.

Старуха монотонно продолжала:

– Дилайт убежала вместе с Блисс и Блайт, а с ними и мистрис Блейз.

– Да где же они, Ада?

– Должно быть, носятся босиком по лесам и полям, – последовал недовольный ответ. – Негоже так вести себя девушкам, ежели им давно пора замуж. Но кто возьмет их в жены, бедняжек? Кто женится на наших красавицах? – запричитала она, и слезы вдруг залили ее морщинистое лицо.

Леди Морган покинула детскую и спустилась по главной лестнице дома. Какая удивительная, невероятная новость! Надо поскорее рассказать Блейз о том, как ей повезло. Да где же эта непоседа? Ну конечно, бегают босиком, как деревенская девчонка! Надо быть с ней построже, упрекнула себя Розмари, но тут же рассмеялась. Разве не она сама растила – и продолжала растить – своих детей так, чтобы они научились ценить свободу? В доме не придерживались этикета. Родители не надеялись, что их дети когда-нибудь окажутся в светском обществе. Но теперь все переменялось. Конечно, девочек учили изящным манерам, а их умение вести хозяйство было безупречным. Но отныне им понадобится знать гораздо больше, чем прежде. В особенности Блейз – ведь не пройдет и двух месяцев, как она станет женой богатого и влиятельного дворянина.

Леди Морган вышла на крыльцо. Ее муж, сердечно простившись с лордом Уиндхемом, скрылся в конюшнях. Эрл и его свита быстро удалялись по аллее. Леди Морган с беспокойством огляделась, пытаясь заметить у дома хоть какие-нибудь следы пребывания своих своенравных дочерей. К ее раздражению, поиски оказались безуспешными.

– А, чтоб вам!.. – еле слышно пробормотала она и тут же опомнилась, ибо прежде никогда не прибегала к подобным выражениям. Однако знать такие восхитительные новости и не иметь возможности поделиться ими оказалось невыносимым. Леди Морган раздраженно прикусила губу. Черт бы побрал Блейз! С раздраженным вздохом и ворчанием леди Морган вернулась в дом, яростно захлопнув за собой дверь.

Часть I

Эшби-Холл, лето 1521 года

Глава 1

Четыре девочки, спрятавшись в густом кустарнике в дальнем конце аллеи, ведущей к Эшби-Холлу, во все глаза таращились на элегантного гостя, но не слышали ни единого слова из его разговора с отцом.

– Как, по-вашему, кто он такой? – спросила Блисс Морган, отводя с лица прядь белокурых волос.

– Писанный красавец, и даже старость его не портит, – заметила ее сестра-близнец. Волосы Блайт, похожие по цвету на лепестки нарцисса, всегда пребывали в идеальном порядке.

– А вдруг он приехал просить руки одной из нас, – с надеждой произнесла Дилайт Морган, и ее ярко-синие глаза, похожие на отцовские, возбужденно заблестели.

– Ну как можно быть такой глупой, Ди! – рассердилась на младшую сестренку Блисс, заставив ее потупить. – Ты только взгляни на него! На нем одежда из самых лучших тканей, этой золотой цепи у него на шее хватило бы на приданое всем нам. А нам не достанется и ломаного гроша. Без приданого нечего и надеяться на удачное замужество. Можно считать, нам повезет, если нас возьмут в жены какие-нибудь крестьяне.

– Это уж точно, – скорбно подтвердила ее сестра-близнец. – Все мы останемся старыми девами или еще похуже, и тогда нас не пустят даже в церковь.

– С чего это вдруг тебе захотелось бывать в церкви, Блайт? – фыркнула старшая из девочек, лучше других разбиравшаяся в мирских устремлениях своей сестры.

– Ты же понимаешь, Блейз, дело не в этом! Просто я хочу выйти замуж и иметь детей, – с негодованием отозвалась Блайт.

– Ты имеешь в виду, что хочешь выйти замуж за богача, сестренка, – поправила ее Блейз.

– Конечно, любить богатого человека легче, чем бедняка, – заявила Блисс, по привычке защищая свою сестру-близнеца. – Мы бедны, и мне это совсем не нравится. Как бы мне хотелось стать богатой!

– Ну, на это рассчитывать нечего, – возразила Блейз с грустной усмешкой. – Вы только посмотрите на себя, сестренки! Эти старые льняные юбки уже стали слишком коротки для нас, а в лифы мы скоро вообще не влезем! Сошьют ли нам когда-нибудь новые платья? – с горестным вздохом заключила она.

– Положим, на Дилайт лиф до сих пор болтается, – поддразнила Блисс. – Правда, она еще малышка и не готова выйти замуж, даже если представится случай.

– Старая Ада говорила, что скоро я стану женщиной, – с воодушевлением возразила Дилайт.

– Да, Ада всегда говорит правду, – невесело подтвердила Блайт. – Значит, на выданье нас будет уже четверо, да что толку?

– Зато пока мы вместе, – возразила Блейз, первой оправляясь от приступа жалости к самой себе.

Четыре пары глаз встретились, и Блисс просияла улыбкой, от которой преобразилось все ее детское личико.

– Да, мы вместе, это правда, Блейз, а то было бы еще хуже, верно? – Она улыбнулась сестрам и задумчиво добавила: – И все-таки я хочу знать, кто этот джентльмен. Непонятно, зачем такому расфуфыренному щеголю понадобилось навещать нашего отца?

– Потом все узнаешь, – заявила Блейз, – а пока – где-то здесь, на краю сада, я видела вишню, всю усыпанную ягодами. Бежим соберем их, не то нас опередят птицы!

Повернувшись, она побежала в глубину сада. Три младшие девочки торопливо последовали за ней.

Сестры Морган с младенчества приучались к бережливости. Ничто не должно пропадать зря – это правило крепко вбила в их головы бедность. Когда ближе к вечеру они вернулись домой, их плетеные корзинки были наполнены переспелой вишней, так удачно обнаруженной Блейз. Прибежав на кухню, девочки наскоро набросили передники, тщательно вымыли ягоды в выщербленном тазу и уселись вынимать из них косточки, откладывая порченные ягоды в сторону. Когда на кухню забрела семилетняя Ванора, ей было поручено натолочь сахару.

– Можно засахарить часть вишен, – предложила Дилайт. – Перед постом они всегда бывают такими вкусными!

Блейз согласно кивнула, и три старшие сестры отложили в сторонку немного сладких ягод. Остальное было разделено поровну: половину положили в кипящий сахарный сироп, из оставшихся было решено приготовить джем.

– Перестань поедать наши вишни, Ванора, или тебе попадет, – пригрозила Блисс, поймав сестренку на воровстве.

Худое личико Ваноры, перепачканное соком, свидетельствовало о ее преступлении. Ничуть не испугавшись старшей сестры, она легкомысленно показала ей розовый язычок, но тут же получила по заслугам – Блисс больно дернула ее за волосы. Ванора расплакалась, и ее пронзительные крики переполошили всю прислугу и призвали на кухню мать. Ванора громко рыдала – скорее от обиды, чем от боли. Исподтишка поглядывая из-под мокрых ресниц, она проверяла, какие последствия возымели ее крики, а леди Морган пожелала узнать, кто обидел малышку.

Ванора громко всхлипнула, но в тот момент, когда она уже приготовилась обвинить Блисс, вмешалась Блейз:

– Она попала себе по пальцу, когда толкла сахар, мама. – Блейз ласково обняла младшую сестренку за плечи и прижала к себе. – Ну хватит плакать, Вана. Знаю, тебе очень больно – я и сама не раз ушибала пальцы.

Ванора вновь всхлипнула. Взглянув на старшую сестру, она заметила в ее глазах суровое предупреждение и немедленно прекратила рыдать. Блейз была любимой сестрой Ваноры, но малышка уже давно поняла, что сердить ее не стоит.

– Вот и умница, – похвалила ее Блейз. – Займись делом, Ванора, – без сахара нам не сохранить на зиму эти вишни. И без твоей помощи нам просто не обойтись. – В последний раз шмыгнув носом, Ванора послушалась. Повернувшись к матери, Блейз объяснила: – Я нашла в саду позднюю вишню и мы сумели собрать ягоды, пока их не склевали птицы. Я и не думала, что вишня может поспевать так поздно.

– Природа не всегда предсказуема, – пожала плечами леди Морган. – Нам повезло, Блейз, что ты нашла это дерево, и очень хорошо, что вы собрали ягоды, но, дорогие мои дети, у меня есть новости поважнее. Великолепные новости!

– Это насчет того красавца, который приезжал к отцу? – выпалила Дилайт.

– Значит, вы видели лорда Уиндхема? – удивилась Розмари.

– Да, мы прятались за кустами, мама. Раз ты не позвала нас, мы решили, что не стоит мешать, и ушли в сад, – честно призналась Дилайт.

Леди Морган улыбнулась девочке. Дилайт еще не научилась говорить неправду. А Блейз, как было известно леди Морган, иногда прибегала ко лжи во спасение других. Что касается близнецов Блисс и Блайт, обе они лгали с такой легкостью, что зачастую сами верили в свою ложь, – впрочем, они искажали истину без малейшей корысти.

– Лорд Эдмунд Уиндхем – эрл Лэнгфордский, – продолжала леди Морган. – Он вдовееет уже год, у него нет детей. И он выбрал Блейз своей второй женой. Скажите, разве это не замечательная новость?

– Я же говорила вам! Я же говорила! – Дилайт заплясала вокруг стола, рассмешив кухарку и горничных.

Розмари Морган улыбнулась, а затем с беспокойством взглянула на старшую дочь. Блейз словно оцепенела.

– Благословенная Дева! Эрл! Ты выйдешь замуж за эрла, Блейз! – завистливо простонала Блисс. – И он такой красавец!

– Ты будешь графиней! – возбужденно взвизгнула Блайт, хлопая в ладоши. – Леди Мэри-Блейз Уиндхем, графиня Лэнгфорд! Ну почему тебе вечно так везет?

– Везет? – шепотом переспросила Блейз. – Мне? Везет? – Она глубоко вздохнула и уже громче спросила, поворачиваясь к матери: – Почему этот человек захотел жениться на мне? Разве я могу выйти замуж? Ты же сама часто жаловалась, мама, что у нас нет приданого. – Фиалковые глаза Блейз переполнились невысказанными вопросами.

В кухне воцарилась гробовая тишина, которую нарушало лишь потрескивание огня в очаге. Оглядевшись, леди Морган заметила, с каким жадным любопытством ждут ее ответа слуги, и неодобрительно поджала губы. Ничего плохого нет в том, что слуги узнали о замужестве Блейз, но подробности их не касаются.

– Разве вам нечем заняться? – сурово спросила она, повернувшись к кухарке и ее помощницам. – Я слышу, там что-то подгорает. Или у нас дом – полная чаша и мы можем позволить себе тратить деньги на еду, не считая? Девочки, займитесь вишней, а ты, Блейз, пойдешь со мной. – Леди Морган величественно выплыла из кухни, и старшая дочь торопливо последовала за ней.

Они прошли через холл, не останавливаясь, – Розмари Морган не желала, чтобы сплетницы служанки ненароком подслушали то, что она собиралась сказать дочери. Подробности не касались даже Блейз, хотя разговор предстоял не из легких. Долг родителей – благополучно выдать дочерей замуж. Несмотря на их бедность, в этот день провидение сжалилось и послало ее дочерям более чем завидную удачу. Леди Морган провела старшую дочь в свою спальню и усадила на широкую кровать, где были зачаты Блейз и ее сестры.

Розмари Морган сжала в ладонях лицо дочери и долгое время вглядывалась в него. Блейз была чудо как хороша – в этом никто не смог бы усомниться.

– Тебе несказанно посчастливилось, – начала она, – и если ты не сделаешь глупостей, то станешь самой известной из графинь Лэнгфорд.

– Но почему я? – возразила Блейз. – Разве вы в состоянии дать за мной приданое, а тем более такое, чтобы я вышла за эрла?

– Он возьмет тебя в жены без приданого, – пояснила леди Морган.

– Но почему? – последовал резкий и подозрительный вопрос.

– Эдмунд Уиндхем восемнадцать лет был женат на женщине, которая, подобно нашей бедной королеве Екатерине, не могла родить ребенка. У нашего короля по крайней мере есть принцесса Мэри, а единственный ребенок эрла Лэнгфордского умер вскоре после рождения. Эти роды убили его мать. Эрл – состоятельный джентльмен, Блейз, но ему нужны дети. Правда, у него есть наследник – его племянник, но Уиндхему нужен родной сын. Надеюсь, ты это понимаешь.

Откуда-то, он не объяснил, от кого именно, он узнал о нашей семье – о том, что все мои дети остались в живых, что они растут здоровыми и крепкими. И вот, даже зная, что у вас нет приданого, он приехал сюда и предложил тебе стать его женой. Он уверен, что ты сможешь подарить ему здоровых детей – таких, как я подарила твоему отцу.

– Значит, благородный эрл прибыл в Эшби, чтобы купить чистокровную породистую кобылу? Нет, я не выйду за него, мама! Пусть я бедна, но у меня есть гордость! Да я скорее соглашусь остаться старой девой! Как посмел этот человек считать, что способен купить меня?! Какая самонадеянность!

– Нет, Блейз, он не самонадеян. Он приехал просить твоей руки, он обращался с твоим отцом учтиво и достойно. Это событие – настоящее чудо. И твой долг, как нашей дочери, с благодарностью принять эту чудесную возможность, предложенную тебе. Неужели ты не понимаешь, как тебе повезло?

– Нет, не понимаю, мама. Пусть этот эрл женится на ком-нибудь другом. И Блисс, и Блайт готовы умереть за такую «чудесную возможность», – пренебрежительно отозвалась Блейз.

– Но ты ведь старшая, – напомнила ей мать. – Тебе положено первой выйти замуж. И потом Блайт и Блисс моложе тебя на целый год. Эрл – зрелый мужчина, а ты достигла подходящего возраста, чтобы выйти замуж.

– Нет! – упрямо выпалила Блейз.

Леди Морган глубоко вздохнула, чтобы сдержать растущее в ней негодование. «Эта девчонка невозможна, – подумала она, – имя досталось ей по праву».

– Дело тут не только в тебе, Блейз. – Розмари попыталась вразумить непокорную дочь. – Эрл согласился обеспечить приданым всех твоих сестер, чтобы они тоже могли найти себе достойных мужей.

– Значит, мне придется принести себя в жертву на благо семьи! – негодуя выпалила Блейз.

Тут уж леди Морган утратила всю сдержанность и мгновенно вскипела.

– Блейз, – заявила она, поднимаясь и положив руки на хрупкие плечи дочери, – ты немедленно отправишься в часовню и поблаговаришь Благословенную Деву! И заодно попросишь у нее прощения – твои эгоизм, спесь и своеволие возмутительны! Пусть доброта Богоматери и ее молитвы помогут тебе избавиться от дерзости. Надеюсь, ты поймешь, как тебе повезло, и задумаешься о судьбе младших сестер. Помни: их будущее, да пребудет с нами милосердие Божие, находится в твоих руках!

– Но как же ты несправедлива ко мне, мама! Почему я одна должна отвечать за судьбу сестер? – с вызовом воскликнула Блейз.

– Больше я не собираюсь с тобой спорить, – прервала ее леди Морган. – Ступай в часовню сию же минуту!

Блейз выбежала из комнаты, охваченная гневом и раздражением. Намеренно пренебрегая приказом матери, она вернулась на кухню и остановилась на узкой каменной лестнице, наблюдая за сестрами. Блисс и Блайт усердно чистили вишню и присматривали за малышами, ибо к ним присоединились Ларк и Линнет. «Старшие близнецы такие хорошенькие», – с грустью подумала Блейз. Несправедливо, если им придется провести всю жизнь здесь, в Эшби, так и не познав радостей супружества и материнства. А ведь впереди у них всего несколько лет – кое-кто считал, что лучшее время для поисков мужей для них уже упущено. Блейз не могла припомнить девушек, которым близнецы уступали бы красотой. Различия между ними были немногочисленными: у Блисс крошечная родинка сидела над левым уголком губ, а у Блайт – над правым. У обеих волосы с одинаковым теплым золотистым оттенком, а глаза блестели

синевой, словно сапфиры. Их лица овалом напоминали сердечки – с прямыми, чуть вздернутыми носиками и пухлыми губами. Изящные дуги тонких бровей и длинные изогнутые ресницы были довольно темными для такой светлой кожи, не нуждающейся в румянах и белилах. Несмотря на внешнюю хрупкость, румяные щеки сестер свидетельствовали о крепком здоровье.

В кухне мелькала еще одна белокурая головка, принадлежащая Ваноре, – ее волосы отливали серебром. Со своими темно-синими глазами, которые при определенном освещении казались почти черными, эта малышка, лицо которой еще не утратило детской округлости, обещала стать изумительной красавицей. Как и самая младшая из сестер, Гленна, с ее каштаново-рыжеватыми волосами и материнскими светлыми глазами.

Остальные дети Морганов уродились темноволосыми. Брат – близнец Гленны, Гевин, был точной копией отца. Обаятельная Дилайт тоже унаследовала каштановые отцовские локоны. Вторая пара близнецов, Ларк и Линнет, была похожа на старшую сестру. Но какое будущее ждет их всех без приданого? И разве сможет отец благополучно выдать замуж дочерей, когда исчез источник его дохода – стада овец? После второго мора он так и не сумел поправить свои дела.

С негромким вздохом Блейз поднялась по кухонной лестнице. Почти нехотя она вошла в маленькую часовню. Преклонив колени на молитвенной скамеечке, она устремила взгляд на статую святой Марии, раздираемая борьбой собственной гордыни с рассудком. Смирненное и терпеливое каменное лицо святой, казалось, упрекало ее за мятежные мысли.

«Что это с тобой? – допытывался рассудок Блейз. – Тебя пожелал взять в жены состоятельный красавец джентльмен. Почему же ты вдруг взбунтовалась?»

«Потому, что я хочу любви, – отвечала гордость. – А этому человеку я нужна как здоровая племенная кобыла, способная принести ему сыновей. Какое ему дело до меня? Он не захотел даже знакомиться со мной!»

«Что за вздор! – возражал рассудок. – Таинство брака свершается лишь по одной причине – так тебе говорили с детства. Цель брака – дети».

«Но я хочу быть любимой!» – не сдавалась гордость.

«Любовь, – убеждал рассудок, – придет позднее, когда вы как следует узнаете друг друга. А вместе с любовью появится и уважение».

«Я должна быть любимой», – умоляла гордость.

«Твои родители любят друг друга, – напоминал рассудок. – Почему ты считаешь, что у тебя все будет иначе?»

«Мои родители познакомились прежде, чем поженились», – резонно возражала гордость.

«Такое случается нечасто, – объяснял рассудок. – Браки устраивают родители, действуя в интересах своих детей. Твоя мать права: тебе несказанно повезло, что этот человек пожелал взять тебя в жены без приданого. Кстати, сколько раз ты клялась, что любишь сестер? Разве они не заслуживают счастья? И он великодушно предложил им приданое – чтобы и твои сестры могли выйти замуж. Разве плохой человек способен на такой поступок? Твои родители не сомневаются в нем, так почему же ты им не веришь?»

– А как же любовь? – еле слышно прошептала Блейз.

«Любовь придет, – уверял рассудок. – Она не может не прийти. Ты обретешь любовь, но, что еще важнее, – будешь довольна сознанием, что, смилив свою гордыню и поступив, как положено доброй христианке, помогла семи сестрам найти свое счастье. Как же ты можешь отвергать предложение эрла?»

– Не могу, – тихо подтвердила Блейз, и слезы жалости к себе покатались по ее лицу. – О Пресвятая Богородица, прости мне непокорность! Помоги научиться думать о других, – молилась она. В этот момент чья-то рука легла ей на плечо, и Блейз вздрогнула, обернулась и увидела отца. Торопливо перекрестившись, она поднялась. – Папа, я рассердила маму, – призналась она, бросаясь в его объятия.

Роберт Морган крепко прижал к себе старшую дочь.

– Знаю, – сурово подтвердил он, благодаря небеса за то, что дочь не успела увидеть искры смеха в его глазах. Блейз никогда не была самой послушной из детей, ее всегда требовалось держать в ежовых рукавицах. А Розмари, лучшая

из матерей, такая добрая и заботливая, никак не могла понять: Блейз нуждается в особом внимании. – Твоя мать сказала мне, что ты отказалась выйти замуж за человека, которого мы выбрали для тебя. Это правда?

– Я выйду замуж за эрла, папа, – тихо пообещала Блейз. – Разве можно пренебречь таким великодушным предложением?

– Нельзя, – подтвердил лорд Морган и отстранил дочь, вглядываясь в ее лицо. – Ты должна довериться мне, Блейз, как доверялась всегда. Лорд Уиндхем – более чем достойная партия. Если говорить начистоту, ты ему не пара. Прежде я не встречался с этим человеком, но никогда не слышал о нем ни единого дурного слова. Он ведет себя учтиво и сдержанно. Очевидно, он любил первую жену, несмотря на то что она так и не сумела родить ему детей, и теперь искренне скорбит о ее смерти. Я уверен, он полюбит и тебя, Блейз. И ты полюбишь его. Он станет тебе хорошим мужем. Его великодушие по отношению к тебе, не говоря уже о твоих сестрах, говорит о многом. И дело не только в приданом, но и в связях, которые ты приобретешь благодаря этому браку. Неужели ты не согласишься с моим решением, детка?

Блейз кивнула.

– Мне не хотелось упорствовать, папа, но я никогда не думала... никогда не ожидала, что стану женой титулованной особы. Я мечтала выйти за какого-нибудь младшего сына, такого же бедняка, как я сама... А где живет эрл? Далеко от Эшби?

– Риверс-Эдж находится отсюда в полудне пути. Это если ехать окольным путем, а не через поля, как он. Но у его сестры сегодня день рождения, и ему надо было поскорее вернуться домой. Старший сын этой сестры и есть наследник эрла.

– Должно быть, он досадует на то, что эрл вновь решил жениться, – мудро заметила Блейз.

– Это не ему решать, – возразил лорд Морган, взял дочь за руку и повел ее из часовни. Вдвоем они прошли по коридору в большой зал дома, где Роберт Морган усадил Блейз рядом с собой у камина. – Титул эрла Лэнгфордского восходит еще ко временам короля Генриха V, детка. Первый из эрлов спас жизнь этому королю в битве при Азенкуре и был пожалован титулом. В то время ему

было всего шестнадцать. Уиндхемы живут подолгу. Бабушка лорда Эдмунда дожила до семидесяти пяти лет, а его отцу было под восемьдесят, когда он умер во время чумы.

– Эрл был единственным сыном? – спросила Блейз.

– Единственным выжившим сыном, дорогая, и единственным отпрыском третьей жены второго эрла. По-видимому, в этом роду редко рождаются крепкие сыновья. Теперь, когда ему уже перевалило за тридцать, а он остался бездетным, эрл не на шутку встревожился. Надеюсь, ты это понимаешь. Ты же умница, Блейз, и я не сомневаюсь: ты поймешь, в каком положении оказался эрл.

– По крайней мере он мог бы погостить у нас подольше и познакомиться со мной, – с раздражением отозвалась Блейз.

Лорд Морган улыбнулся, увидев обиду дочери. Он понимал, почему эрл уехал сразу же после разговора, но он мог понять и недовольство Блейз.

– Эрл хотел остаться, но он задумал вечер в честь своей сестры. Несмотря на разницу в возрасте, они очень близки. Ты ведь любишь своих сестер, так что сможешь понять, почему лорд Уиндхем уехал так поспешно.

Блейз задумалась, и отец снисходительно рассмеялся, слегка сжав ее плечо. Блейз вскинула голову.

– Скажи, какой он? – спросила она. – Он не оставил своего портрета? А вы – вы дали ему мою миниатюру? Неужели он был согласен жениться на незнакомой девушке? Может, ему все равно?

– Он предоставил выбор невесты твоей матери и мне, пожелав только, чтобы его избранница обладала хорошим зрением, – усмехнулся лорд Морган.

– А что, он подслеповат? – Блейз насторожилась.

– Нет, Блейз, нет. Он очень хорош собой – высокий, светлокожий, с каштановыми волосами и карими глазами. Он понравится тебе – точно так же, как ты понравилась ему, дорогая.

– Когда же мы поженимся, папа?

– Тридцатого сентября, – отозвался лорд Морган.

– Так скоро? А я-то думала, это случится не раньше, чем следующей весной!

– Ваши имена будут оглашены в церкви в это же воскресенье, Блейз.

– Но папа, до тридцатого сентября осталось меньше двух месяцев!

– Эрл вдовееет уже целый год, детка. Жена нужна ему немедленно, он не согласен ждать даже полгода, – объяснил лорд Морган.

– Но нам предстоит так много дел, папа! Нам ни за что не успеть подготовиться так быстро!

– Что это за дела? – спросил отец.

– У меня нет свадебного платья – тем более такого, которое подошло бы графине Лэнгфорд. И даже если бы у нас была ткань, мы бы не успели за такое короткое время сшить мое приданое.

– Твое приданое будет изготовлено в Риверс-Эдже, Блейз, – все, в том числе и свадебное платье. Эрл пообещал прислать кое-что из вещей заранее, чтобы ты не смущалась перед его родственниками, прибыв в свой новый дом.

– А белье! Мой сундук не заполнен и наполовину, папа! Разве можно явиться в Риверс-Эдж с пустыми руками?

– Мы позаимствуем белье у твоих сестер, – предложила леди Морган, подходя к мужу и старшей дочери.

– И правда – наши сундуки набиты до отказа, – заявила Блисс, которая вместе со своей сестрой явилась следом за матерью. – Ты шьешь слишком медленно, Блейз, ты не наполнила бы свой сундук и за пять лет.

– Зато ты шьешь аккуратнее, чем мы, – добавила Блайт в попытке смягчить резкость сестры, но Блейз уже привыкла к насмешкам Блисс и не обиделась.

– Мы с Блайт вышьем вензель Б и Э на постельном белье, – пообещала Блисс, – просто, но красиво – две переплетенные буквы внутри сердечка.

– Я помогу, – предложила Блейз.

– Ну уж нет! – воскликнула Блисс. – Ты вечно копаешься, как неживая, и только выводишь меня из себя. Мы запросто справимся сами.

– Значит, вы опустошите свои сундуки, чтобы наполнить мой? – встревожилась Блейз.

– Не волнуйся, сестренка, – успокоила ее Блайт. – Этой зимой мы успеем заново наполнить их. Мне будет приятно думать, что наше шитье уедет вместе с тобой в новый дом.

Блейз вскочила и обняла младшую сестру.

– И я рада, что мне останется память о вас. Я только теперь поняла, как одиноко мне будет в новом доме.

– Одиноко? – фыркнула Блисс. – Да ведь ты станешь хозяйкой огромного дома, Блейз! У тебя будет муж, и если вы исправно станете исполнять супружеский долг, то вскоре у вас будет полный дом детей. И потом разве можно быть одинокой среди целой толпы слуг – они-то у тебя точно будут! Ей-богу, Блейз, ты чудачка.

Блейз рассмеялась, выслушав тираду сестры.

– Не знаю, сумею ли я справиться с этой толпой, – возразила она и вдруг загрустила. – Мне будет не доставать родных, Блисс... Ведь мы хоть и бедны в глазах всего мира, но богаты любовью друг к другу.

– Я предпочитаю более осязаемое богатство, – напрямик заявила Блисс.

– Ну тогда, как только стану женой лорда Уиндхема, я первым делом позабочусь, чтобы у тебя появился достойный муж. Достойный, – повторила она, – то есть богатый!

– И у Блайт тоже, – добавила Блисс, как всегда, заботясь о сестре.

– И у Блайт, – подтвердила Блейз.

– Имей в виду, эти обещания нельзя нарушать, дорогая, – заметила леди Морган. – Сестрам и вправду понадобятся твоя помощь и влияние, чтобы выйти замуж. А они, в свою очередь, помогут остальным. Этот чудесный брак, свалившийся на нас так внезапно, – ответ на все наши молитвы. Эрл Лэнгфордский – самый добрый и великодушный человек на свете. И если ты приложишь хоть немного усилий, чтобы угодить ему, то станешь счастливейшей из женщин. Он поклялся нам, что ты проживешь не хуже королевы. А когда ты подаришь ему наследника, Блейз, он будет готов сделать для тебя все, что в его власти. – Она беспокойно взглянула на дочь, опасаясь, что Блейз взбунтуется, как случилось прежде.

Зная, что необходимо успокоить мать, Блейз покорно произнесла:

– Я всеми силами буду стараться стать для эрла доброй женой. И потом, мама, я люблю детей – я буду желать их не меньше, чем сам лорд Уиндхем.

Леди Морган вздохнула с облегчением.

– О дорогая, – оживилась она, – я знала: стоит тебе хорошенько задуматься, и ты по достоинству оценишь наше решение. – Обняв дочь, она закончила со всхлипом: – Я так счастлива за тебя!

– Мадам, – возразил ее супруг, – вы, пожалуй, заразите истерикой всю женскую половину дома, если хотя бы еще минуту пробудете рядом с детьми. Беги наверх, Блейз, и смени юбку. Хорошая хозяйка должна многому научиться. И как отец, я беру на себя половину этой задачи. Ну, живее!

Благодарная отцу, Блейз ускользнула из зала и взбежала по лестнице в комнатку, которую занимала вместе с Блисс и Блайт. Торопливо стащив

привычную юбку и лиф, она заменила их чистой белой блузой и поношенной, но еще крепкой темной бархатной юбкой для верховой езды. Каким бы ни был первоначальный цвет юбки, ткань давно выцвела и приобрела неопределенный оттенок. Из угла Блейз вытащила сапожки для верховой езды и, морщась, натянула их – сапожки жали, ноги успели подрасти с тех пор, как обувь была сшита пять лет назад. Но несмотря на это они были для Блейз привычными и потому удобными. Она поднялась, и тут ей в голову вдруг пришла мысль, что, вероятно, лорд Уиндхем закажет ей новые сапожки. И длинную юбку из темно-синего бархата с таким же лифом. И шляпку с белыми перьями. На мгновение Блейз закрыла глаза, представляя себя в таком роскошном одеянии, и решила, что будет выглядеть в нем совсем недурно. Что и говорить, в замужестве с богатым человеком есть свои преимущества, а она о них и не задумывалась.

Блейз сбежала вниз по лестнице и выскочила из парадной двери, возле которой отец уже ждал ее, восседая на лошади. Конюх посадил девушку, и отец с дочерью направились на прогулку неторопливым шагом.

Некоторое время они ехали в молчании, но едва достигли узкой дороги, ведущей через все поместье по полям, как лорд Морган спросил у дочери:

– И все-таки как ты относишься к этому браку, Блейз?

– Какая разница, папа? Мне ведь все равно придется выйти замуж, верно? И потом разве предложение эрла – не чудо, как утверждает мама?

– Если бы я только заподозрил, что замужество с лордом Уиндхемом не принесет тебе счастья, Блейз, я ни за что не согласился бы на его предложение. Разумеется, ты должна выйти замуж, и этот брак – невероятная удача для всех нас. Но я постараюсь помочь тебе прийти к согласию с самой собой, детка. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Мне страшно, – призналась Блейз, – но почему – не знаю. Для меня невыносима мысль о том, что придется покинуть Эшби. Да, Блисс вовремя напомнила, что я буду хозяйкой огромного дома, но я не могу не гадать, будет ли там так же хорошо, как здесь, смогу ли я полюбить свой новый дом. А если нет? Я даже не знакома с человеком, за которого должна выйти замуж, и он не знает меня. Что, если мы не понравимся друг другу? Понимаю, у него есть все причины обзавестись молодой женой, однако если эти причины – единственные, станет

ли он заботиться обо мне? Все это страшно и непонятно, папа.

– Еще совсем недавно я была бы в восторге – я никогда и не мечтала о подобном браке. Я и в самом деле думала, что стану женой младшего сына сквайра Грина – если он еще согласится жениться на бесприданнице. Но я подозревала, что такое вполне может произойти: сквайр – тщеславный человек. Каждый раз, когда он бывал здесь, я замечала: он думает о том, как славно иметь общих внуков с дворянином. – Она усмехнулась, а Роберт Морган поддержал ее веселым смехом.

– Но и это еще не все, – продолжала Блейз, – с другой стороны, папа, я не могу не возмущаться дерзостью эрла Лэнгфордского: подумать только, он прибыл сюда всего на полчаса – чтобы попросить в жены одну из твоих взрослых дочерей!

Роберт Морган кивнул, понимая чувства дочери, и попытался объяснить:

– Он не хотел оскорбить нас, Блейз, в этом я уверен. Богатые и влиятельные люди иначе смотрят на подобные вещи – они решают свои дела быстро и без колебаний. Своим временем они распоряжаются так же разумно, как золотом. Лорду Уиндхему известно, в каком положении мы оказались. Он понимает, что, будучи отцом восьми дочерей, я хотел бы как можно удачнее выдать их замуж. Преимущество на его стороне, Блейз. Однако он ни на секунду не заставил меня почувствовать себя попрошайкой у ворот его дома. Если в нем и есть высокомерие, в котором ты его обвиняешь, то я этого не заметил.

– Сколько ему лет, папа?

– В августе будет тридцать пять, – последовал ответ.

– Да он совсем старик, папа!

Роберт Морган не знал, плакать ему или смеяться над последним замечанием старшей дочери. Самому Роберту было всего сорок. Но с точки зрения его дочери... В последний день ноября ей должно было исполниться шестнадцать. Однако такая разница в возрасте между мужем и женой считалась обычным делом – в особенности потому, что женщины умирали раньше, изнуренные частыми родами, и мужчинам приходилось жениться снова. Мужчина, особенно

бездетный или имеющий только дочерей, подыскивал себе здоровую и молодую женщину, чтобы не упустить шанса обзавестись наследником.

Негромкое покашливание напомнило Роберту, что Блейз ждет ответа.

– Лорд Уиндхем – мужчина в самом расцвете сил, Блейз. Надеюсь, ты найдешь в нем пылкого любовника. – Взглянув на дочь, Роберт увидел, как залились румянцем ее щеки, и хитро усмехнулся.

– Папа! – возмущенно воскликнула Блейз и пришпорила лошадь, переходя на рысь.

Минуту Роберт смотрел ей вслед. Небесно-голубая лента в чудесных золотистых волосах Блейз ослабла, и густые пряди, выбившись из-под нее, затрепетали на ветру.

Лорд Уиндхем будет несказанно удивлен, обнаружив, что совершил выгодную сделку. Розмари была права, говоря, что красота их дочерей стоит немало. Роберт Морган задумчиво прищурился. Брак Блейз... новое положение... приданое для остальных дочерей... Благодаря этому он сможет заново отстроить Эшби, еще лучше, чем прежде. Связи дочерей помогут ему подыскать достойную невесту и Гевину. Он будет очень осторожен – теперь-то он в состоянии позволить себе выбирать.

– Папа! – Блейз остановила лошадь и теперь звала его.

Роберт Морган помахал ей рукой и усмехнулся.

– Еду, Блейз! – крикнул он в ответ. – А ну, давай наперегонки до озера!

Пришпорив жеребца и пуская его галопом, Роберт устремился вслед за дочерью, которая уже во весь опор мчалась впереди.

– Вы поставили нас в затруднительное положение, сэр, – заметил Роберт Морган, и в его голосе можно было безошибочно уловить раздражение.

Энтони Уиндхем вспыхнул, но продолжал стоять на своем:

– Поверьте, сэр, мне приходится не легче, чем вам, но я всего лишь выполняю распоряжения Эдмунда, моего дяди.

– Моя дочь – впечатлительная девушка, – возражал лорд Морган. – Она даже не знакома с эрлом. Ей еще предстоит привыкнуть к мысли о замужестве с незнакомым человеком. Однако смириться ей помогало лишь сознание того, что она познакомится со своим будущим супругом у себя дома, в лоне своей семьи. А теперь вы заявляете, что дядя поручил вам устроить брак Блейз по доверенности и привезти ее в Риверс-Эдж. Это мне совсем не по душе, сэр!

– Я уже объяснял вам, милорд, почему дядя просил меня о такой услуге. Вы и ваша семья приглашены в Риверс-Эдж вместе с нами, на вторую церемонию.

Лорд Морган ударил кулаком одной руки по ладони другой.

– Нам нельзя уезжать из Эшби, сэр! Сбор урожая в самом разгаре. Все руки – да, даже наши белые дворянские руки – необходимы здесь, в поместье, чтобы мы и мои слуги смогли пережить зиму.

Энтони Уиндхем смягчился. Он понимал, в каком положении оказался лорд Морган, ибо дядя был более чем откровенен с ним. Разница в возрасте между двумя мужчинами составляла всего четыре года, они воспитывались вместе и скорее напоминали братьев, чем дядю и племянника.

– Слуги моего дяди должны увидеть свадебную церемонию – надо, чтобы в них пробудилась надежда. Надеюсь, это вы понимаете, милорд.

– Роб, – осторожно вмешалась Розмари Морган, – все мы будем разочарованы, не сумев побывать на свадьбе Блейз, но я уверена – даже в досаде ты не станешь рисковать этим браком. – Она ободряюще улыбнулась мужу.

Наблюдая за ней, Энтони Уиндхем поймал себя на мысли, что если дочь так же хороша, как мать, тогда его дяде повезло. Леди Морган поистине излучала красоту.

– Знаю, Блейз – твоя любимица, – мягко продолжала леди Морган, обращаясь к супругу, – но благодаря нашему многочисленному потомству мы еще побываем не на одной свадьбе. Однако без этого брака не будет и остальных. – Это осторожное предупреждение понял даже гость.

Лорд Морган издал негромкий стон поражения.

– Ты права, дорогая, – подтвердил он и, вскинув голову, устремил на племянника эрла гневный взгляд. – Когда? – коротко осведомился он.

– Завтра, милорд. Я должен привезти невесту в Риверс-Эдж как можно скорее.

– Приданое Блейз в полной готовности, – вмешалась леди Морган, предчувствуя новую вспышку гнева по тому, как потемнели глаза мужа. – Церемония брака по доверенности может совершиться завтра, рано утром. Будет лучше, если наша дочь не успеет задуматься об этих внезапных переменах, но признаюсь честно, она будет недовольна.

Энтони Уиндхем не скрывал облегчения.

– Я привез с собой одну из горничных моего дяди – в качестве спутницы для его будущей жены. Ее зовут Геарта. Она привезла свадебное платье и остальную одежду для леди Блейз.

– Я пойду разыщу дочь, – пообещала леди Морган. – Предоставляю вам известить ее об изменившихся планах, мастер Энтони, ибо я уверена, вы справитесь с этой задачей лучше, нежели я или мой супруг. – Поднявшись, Розмари Морган торопливо вышла.

Лорд Морган фыркнул, но спустя минуту широко улыбнулся гостю.

– Видите ли, моя жена считает, что, если вы возьмете на себя труд известить Блейз, она не устроит сцену.

– Ваша дочь вспыльчива? – Светлые глаза Энтони Уиндхема вспыхнули любопытством.

– Об этом вы вскоре сможете судить сами, сэр, – с усмешкой заявил лорд Морган. – Разумеется, не исключено, что моя дочь вспомнит о приличествующих манерах. – И он расхохотался.

Внезапно Энтони Уиндхем почувствовал себя неловко. Он всеми силами отказывался от поручения дяди, но Эдмунд настаивал, и Энтони не мог отказать лучшему другу.

«Сейчас мне нельзя покидать Риверс-Эдж, – убеждал его Эдмунд. – Надеюсь, все худшее уже позади, но если сейчас я оставлю своих людей, они будут оскорблены. Поезжай в Эшби-Холл и привези сюда мою невесту, Тони. Понимаю, она будет разочарована столь неожиданным изменением планов, но Блейз сейчас нужна в Риверс-Эдже, как никогда!»

– Мастер Энтони, позвольте представить вам мою дочь Блейз, – перебил мысли Энтони Уиндхема голос хозяина дома.

Обернувшись, Энтони очутился лицом к лицу с самым изумительным творением природы, какое ему доводилось видеть. Пара фиалковых глаз с лица, овалом напоминающего сердечко и обрамленного нимбом золотистых волос, с любопытством уставилась на него. Энтони пришлось собраться с силами, чтобы побороть желание прикоснуться к руке девушки. Он с трудом смог заговорить, и собственный голос показался ему незнакомым:

– Позвольте передать вам поздравления от вашего будущего супруга, леди.

– Добро пожаловать в Эшби, мастер Энтони. – Ее голос оказался чистым и певучим.

– Мастер Энтони привез для тебя чудесные вести, Блейз, – пришла на помощь гостю леди Морган. – Прошу тебя, сядь, ему понадобится кое-что объяснить. А нас с твоим отцом ждут дела. – Розмари Морган взяла под руку недоумевающего мужа и вышла из комнаты.

Устроившись на стуле с гобеленовой обивкой, Блейз взглянула на Энтони Уиндхема, гадая, окажется ли ее будущий супруг таким же привлекательным, как его племянник. Угольно-черные волосы и яркие голубые глаза с густыми темными ресницами составляли поразительный контраст с его очень светлой, почти бледной кожей. «Нет, – тут же вспомнила Блейз, – отец говорил, что у эрла карие глаза».

– Что же вы хотели сообщить мне, сэр? – спросила она. – Неужели ваш дядя отказался от намерения жениться?

– Ни в коем случае, леди! Он с нетерпением ждет вашего приезда, именно поэтому я и прибыл сюда. В Риверс-Эдже вспыхнула болезнь. Несколько детей, прежде совсем здоровых, погибло, и почти немедленно за этой трагедией последовала жуткая гроза. Она разразилась внезапно, пастухам не хватило времени увести стада с пастбищ. Страшная вспышка молнии ударила в землю с такой яростью, что вспыхнули все деревья вокруг, а стадо овец, пасущихся неподалеку на лугу, погибло. Звуки грома разносились на целую милю.

Все это перепугало обитателей Риверс-Эджа. Старухи утверждают, что нам изменила удача – потому, что у моего дяди нет ни жены, ни детей. Два дня назад Эдмунду пришлось устроить празднество – чтобы подбодрить своих людей и успокоить их. Но вскоре после заката по небесам промчался огненный шар и вызвал новый взрыв домыслов и страха.

И потому мой дядя решил, что в такое время ему нельзя покидать поместье. Тем не менее он не видит смысла откладывать свадьбу – наоборот, она должна послужить добрым предзнаменованием. Он прислал меня сюда, поручив действовать от его имени. Церемония состоится немедленно, и я отвезу вас в Риверс-Эдж, где официальный свадебный обряд утешит жителей поместья – так надеется Эдмунд. Ваш долг, как будущей жены моего дяди, заботиться о благополучии слуг.

Удивленная внезапным изменением планов и возмущенная последними словами, Блейз топнула ножкой, и вскочив, зло выпалила:

– Мне лучше вашего известно о том, какие обязанности возлагаются на жен, сэр! Как вы посмели напоминать мне об этом? Я сожалею о том, что Риверс-Эдж постигли эти досадные события, но считаю решение эрла неуместным, хотя... не

стану возражать. Когда состоится церемония?

Пораженный этой вспышкой, Энтони решил, что она была вызвана разочарованием.

– Завтра, – ответил он.

– Завтра? – воскликнула Блейз, и у нее закружилась голова.

– Дядя пожелал, чтобы вы прибыли в Риверс-Эдж еще до конца недели, леди. – Теперь Энтони уже не знал, сумеет ли справиться с этой вспыльчивой девочкой-женщиной, которой предстояло стать его тетей. Будь Блейз его невестой, Энтони разрывался бы между желаниями поцеловать и отшлепать ее.

Блейз глубоко вздохнула, силясь успокоиться. Она не могла припомнить, чтобы когда-либо прежде приходила в такую ярость. Эрл беспокоился о своих слугах, но еще больше – о собственном благополучии. А как же она, Блейз?

– Вам понравится в Риверс-Эдже, – произнес Энтони в попытке умиловить ее. – Это идеальное место для такого сокровища, как вы.

– По-моему, вы напрасно расточаете мне комплименты, сэр, – сурово возразила Блейз. – Не забывайте, что вскоре я стану женой вашего дяди, и впредь будьте любезны относиться ко мне соответственно моему положению. – Она вздрогнула, услышав собственные слова. И зачем ей понадобилась такая дерзость?

– У меня и в мыслях не было оскорбить вас, мадам, – холодно откликнулся Энтони, решив, что ханжество Блейз не уступает ее красоте. Теперь он был готов пожалеть дядю, ибо бедняжка Кэти была добродушной и чувствительной женщиной.

– Вы хотите сообщить мне что-нибудь еще, сэр? – спросила Блейз и, когда Энтони отрицательно покачал головой, присела, направляясь к двери. – Тогда всего вам хорошего!

Ей понадобилось собрать всю свою сдержанность, чтобы неторопливо и с достоинством покинуть комнату. Сердце стремительно колотилось. Она была и взбешена, и напугана – все сразу. Ей казалось, что ее ноги трясутся, словно вдруг лишившись костей. Едва закрыв за собой дверь, она бросилась бежать и по лестнице взлетела к себе в спальню, надеясь хоть несколько минут побыть в одиночестве, прежде чем будет вынуждена встретиться с родными. Но эти надежды рухнули в один миг: все сестры, кроме малышки Гленны, столпились в комнате, поджидая ее.

– Ну, кто он такой? – сгорая от любопытства, спросила Блисс. – Он привез с собой целую дюжину слуг в ливреях Лэнгфорда и даже горничную – она заперлась вместе со старой Адой. Они там раскладывают самые роскошные одежды, какие я когда-либо видела!

– Неужели даже в собственной комнате я не могу побыть одна? – простонала Блейз.

– Пока не расскажешь, и не надейся! – решительно заявила Дилайт.

– Все мы умираем от любопытства, – объяснила Блайт своим нежным голоском.

– Ну хорошо, – пробормотала Блейз, – в этом доме все равно невозможно утаить хоть что-нибудь. Вскоре вы и так обо всем узнаете. Этот человек – мастер Энтони Уиндхем, племянник эрла.

– Он просто прелесть! – протянула тринадцатилетняя Дилайт с томным вздохом, заставив младших сестер захихикать.

– У него нет будущего, – возразила практичная Блисс. – У Блейз будет не меньше десятка сыновей, если только эрл не станет пренебрегать своим долгом.

– И все равно Дилайт права – он великолепен, несмотря на бедность, – с ужимкой вставила Блайт. – И потом, не может быть, чтобы он оказался совсем нищим!

– У нас еще хватит времени на красавцев мужчин – после того, как мы выйдем замуж за богатых, – заявила Блисс, определяя участь Энтони Уиндхема. – А зачем он явился сюда? До твоей свадьбы ведь еще две недели!

– Свадьба будет завтра, – раздраженно объявила Блейз, плюхаясь на широкую кровать и приготовившись разъяснять удивленным сестрам, чем были вызваны такие перемены.

– Это возмутительно! – воскликнула Блисс, едва старшая сестра закончила объяснения. – Конечно, женщина может выйти замуж и второй раз, если овдовеет, но первая свадьба остается первой! Только в первый раз девушка расстается с девственностью! Это же особый случай!

– На пышную свадьбу я и не рассчитывала, Блисс, – возразила Блейз, пытаясь выяснить причины собственного разочарования. – Для меня самое главное – чтобы рядом были родители и все вы.

– Но мы даже не знакомы с лордом Уиндхемом! – воскликнула Блайт. – Ты выйдешь замуж за человека, которого толком не знает никто из нас! Страшно даже подумать!

– Не болтай чепухи, – осадила ее Блисс. – Единственная из нас, кому следует познакомиться с эрлом, – это Блейз, а ей вскоре представится такой случай. Пусть эта свадьба и не предполагалась пышной, Блейз, но она все-таки должна была стать праздником. А тебе предстоит выйти замуж рано утром и отправиться в Риверс-Эдж – даже без свадебного завтрака! Для девушки свадьба – самое важное событие всей жизни, а эрл об этом даже не подумал. Как это отвратительно с его стороны!

– Я тоже рассвирепела, услышав о том, что все планы изменились, – призналась Блейз. – Но, поразмыслив над словами мастера Энтони, поняла: это даже лестно, что эрл считает, будто мой приезд способен успокоить его слуг. Прежде никто не считал, что я способна принести хоть какую-то пользу.

– А по-моему, это очень даже романтично – эрл не может и дня прожить без невесты! – вздохнула Дилайт. – Я, например, любила бы человека, который отнесся бы так ко мне. – Ее синие глаза мечтательно затуманились.

Блисс открыла было рот, чтобы резко возразить сестре, но только ойкнула – хмурая Блайт вовремя ущипнула ее за руку.

– Неужели мы больше не увидим тебя, Блейз? – спросила Ванора, и ее по-детски круглое личико с почти черными глазами погрузнело.

Блейз потянулась и отвела локон бледно-золотистых волос Ваноры со лба.

– Мы еще не раз сумеем повидаться, Вана. Как только я устроюсь на новом месте, вы сможете навестить меня в Риверс-Эдже – уверена, муж позволит.

Ванора с облегчением улыбнулась.

– Мы будем скучать по тебе, – в один голос произнесли Ларк и Линнет – они часто говорили хором. Несмотря на то что над этой их привычкой все посмеивались, менять ее близнецы не собирались.

– И я тоже буду скучать по вам, – отозвалась Блейз. – Но ведь от Риверс-Эджа до Эшби всего-то двенадцать миль по прямой.

– Да, только никто из нас не умеет летать, – резко оборвала ее Блисс, – и потому даже по полям понадобится тащиться полдня, а в объезд – и вовсе целый день.

– Мистрис Блейз, – в комнату вошла старая Ада. – К вам прибыл кое-кто от вашего жениха. – И она повернулась к остальным девочкам. – А вы – прочь отсюда, болтушки! У невесты и без вас много хлопот. Будто во всем доме для вас нет места! А ну, убирайтесь!

Хихикая над притворной суровостью старой няни, сестры Морган вышли. Ада пропустила в комнату невысокую пухленькую женщину с веселым лицом и подмигнула уходящим девочкам.

– Это Геарта, – представила она женщину. – Она будет прислуживать вам, мистрис, и она привезла вам чудесные наряды.

– Милорд прислал вам платье для церемонии и дорожную одежду, миледи. Он надеется, что одежда придется вам впору. Позвольте, я покажу, – произнесла Геарта.

– Пожалуйста, – согласилась Блейз. – Сестры уже известили меня, что наряды восхитительны.

– Любопытство погубило кошку, – пробормотала старуха.

Геарта широко улыбнулась, обнажая крупные лошадиные зубы.

– Та одежда предназначалась как раз для них, миледи. Эрлу известно, что вашим сестрам не терпится принарядиться на свадьбу. И он понял, что так быстро они не сумеют приготовить наряды. Ада, – повернулась Геарта к няне, – ты поможешь юным леди примерить платья? Если понадобится что-нибудь подшить, лучше начать прямо сейчас.

– И то правда, – подтвердила Ада и, не произнеся больше ни слова, заковыляла прочь из комнаты.

Геарта разложила принесенную одежду на постели Блейз и проворно перебрала ее, расправляя складки, чтобы новая хозяйка увидела подарок во всей красе.

– Его светлость предложил вам завтра надеть вот это, миледи. – Геарта указала на изящную юбку и такой же лиф из светлого бархата и нижнюю шелковую юбку того же оттенка. Нижняя юбка и лиф были расшиты золотым узором из маргариток на гибких длинных стеблях и листьев папоротника. В разрезах пышных буфов виднелась шелковая подкладка. Наряд был довольно прост, но вместе с тем изысканно красив.

– А к нему вы наденете вот эти чулки и бархатные туфли, миледи, и еще – вот эти украшения. – И горничная протянула Блейз плоскую черную кожаную шкатулку.

Очарованная видом самого чудесного платья из тех, что ей доводилось носить, Блейз машинально открыла шкатулку и заглянула внутрь.

– Благословенная Дева! – выдохнула она. – И это мне?

Внутри шкатулки на черном бархате поблескивала двойная нить розового жемчуга с розовым коралловым медальоном-сердечком в оправе из белого

золота, усыпанной крошечными бриллиантами. Ожерелье настолько поразило Блейз, что она не сразу заметила рядом с ним и серьги из круглых розовых жемчужин. На глаза у нее навернулись слезы. Еще никогда в жизни у Блейз не было ничего похожего на эти драгоценности – и не только у нее самой, но и у ее матери. Блейз почувствовала угрызения совести.

Заметив блеск в ее глазах, Геарта кивнула.

– Эрл будет рад узнать, что ему удалось угодить вам, миледи, – произнесла она.

Блейз вскинула голову.

– Это самые прекрасные украшения на свете, – уверенно заявила она.

– Нет, что вы, миледи! Подождите, вы еще увидите то, что принадлежит графине Лэнгфорд, – это полные сундуки сверкающих камней, на которые можно купить королевство. И все это достанется вам!

– Понятия не имею, что делать с таким богатством, – откровенно призналась Блейз.

Геарта усмехнулась.

– Вскоре вы все узнаете, миледи, – об этом позаботится сестра эрла. Леди Дороти горда, но у нее доброе сердце.

– Ты знала леди Кэтрин? – с любопытством спросила Блейз.

– Да, я была ее горничной последние пять лет – с тех пор, как умерла старая Нэн. Леди была добра, но ее погубило стремление подарить эрлу ребенка. А ведь он ни разу не упрекнул ее.

– Ты не против теперь служить мне? – поинтересовалась Блейз.

– Боже упаси, детка! – воскликнула Геарта, на мгновение забывшись. – Жизнь – это нескончаемая череда рождений и смертей. За одним следует другое. Нельзя же обвинять вас в смерти леди Кэтрин! Слуги в Риверс-Эдже только рады новой

свадьбе эрла – они с нетерпением ждут вас. А теперь, когда я увидела ваших сестер, я точно знаю – вы подарите эрлу желанного наследника.

– Разве мастер Энтони – не наследник моего мужа?

– Мастеру Энтони известно, что когда-нибудь у его дяди появятся сыновья. Он и не рассчитывал на титул и состояние эрла – ему довольно наследства от своего отца. Риверсайд – его собственный дом, его земли ничем не хуже, чем у эрла, разве что размером поменьше. Эрл вечно шутит, что женит своего первого сына на первой дочери мастера Энтони.

– Мастер Энтони женат?

– Нет, небогатому человеку трудно найти себе жену – прошу прощения, миледи. У мастера Энтони чудесный дом, но его доходы невелики. Он совсем не такой завидный жених, как его дядя, и, по-видимому, сам не торопится обзаводиться семьей. Да у него и впрямь полно времени.

Блейз рассмеялась – ей понравилась эта веселая и говорливая женщина, которую лорд Уиндхем определил ей в горничные. Беззаботность Геарты, может, и не столь уместная у служанки, пришлась по душе ее новой госпоже.

«Интересно, – думала Блейз, – знает ли об этом эрл?» Неужели этот незнакомец, за которого она собиралась выйти замуж, заботится о ней? Ей было о чем подумать – особенно о том, что завтра, в это же время, она впервые встретится с будущим мужем.

– А еще эрл прислал вам дорожную одежду, миледи, – прервал ее размышления голос Геарты.

Увидев это, Блейз не смогла сдержать восторга:

– Синий бархат! Темно-синий бархат! Я всегда мечтала об амазонке из такой материи! Но откуда он узнал? – Она окинула восхищенным взглядом широкую бархатную юбку и опустила глаза: на полу стояла пара мягких сапожек из черной кожи. Простонав, Блейз мгновенно присела на край кровати и сбросила туфли, чтобы примерить сапоги. Она почтительно провела ладонями по мягкой коже, натягивая сапог. Он пришелся как раз впору. – Неужели эрл – волшебник? – спросила она у Геарты. – Как он угадал размер?

Геарта усмехнулась. Какой милой и простодушной оказалась юная невеста эрла! Впрочем, Эдмунду Уиндхему всегда везло. Живость этой девушки была хорошим предзнаменованием.

– А вы припомните, миледи, – ответила Геарта изумленной Блейз, – разве с вас не снимали мерку? Все эти мерки оказались у моего хозяина еще несколько недель назад. Деревенский башмачник уже давно хлопочет не покладая рук, готовя для вас туфли и сапоги.

Внезапно Блейз всхлипнула:

– Это несправедливо... За что мне такое богатство, когда мои родные так бедны?!

Геарта ласково обняла ее, утешая:

– Зачем так убиваться, детка! Теперь, когда вы станете женой эрла, вы сможете помочь своим родным. Эрл готов расстаться со всем богатством, лишь бы обрести то, что есть у вашего отца, – сына. Подарите моему хозяину сына, и никто из ваших родных не будет ни в чем нуждаться. – Она крепко обняла Блейз и предложила: – Позвольте помочь вам примерить новую одежду и покажите своей матери и сестрам, в какую элегантную леди вы превратились.

Пока Блейз медленно поворачивалась перед матерью и сестрами, Розмари Морган с удовлетворением отметила, что между ее дочерью и новой горничной зарождается дружба. Молодой женщине в новом доме следовало дорожить преданной служанкой.

Но за ужином семья казалась подавленной. Внезапный отъезд Блейз стал для всех реальностью, к тому же смущало присутствие гостя за семейным столом. Что касается Энтони Уиндхема, он был и удивлен, и очарован этой семьей, с которой решил породниться его дядя. И лорд, и леди Морган показались ему привлекательными и рассудительными людьми. Их дочери, все до единой, были красавицами, и Энтони не сомневался, что в менее натянутой атмосфере они могли пленить любого своей живостью и обаянием.

А на наследника Эшби-Холла, юного Гевина Моргана, подавленность сестер не производила ни малейшего впечатления. Редко случалось, чтобы ему и его сестре Гленне позволяли ужинать вместе со старшими. Гевин был крепким мальчуганом с темно-каштановыми волосами и выразительным отцовским лицом. Он без умолку болтал с гостем, рассказывая Энтони о своей собаке, которая как раз на прошлой неделе ощенилась, принеся шесть отличных щенят. Кроме того, Гевин не упустил случая похвастаться своими познаниями в латыни и, к радости своих родителей, оживил разговор.

– Как был бы рад мой дядя иметь такого чудесного сына! – негромко обратился мастер Энтони к леди Морган.

– Уверена, моя дочь сможет осуществить его мечту, сэр, – последовал учтивый ответ. Леди Морган не смогла сдержать улыбку при виде мгновенно вспыхнувшего румянца на щеках дочери.

– Мне и так известно, милорд, что эрл женится на мне исключительно благодаря моему здоровью, – резко отозвалась Блейз, – но с его стороны было бы очень любезно хоть на краткое время сделать вид, что его привлекают и другие мои достоинства!

– Блейз! – возмутилась Розмари.

– А в чем дело, мама? Или мне следует извиниться перед мастером Энтони за неделикатность? Ну что ж, пожалуйста! Прошу простить меня, сэр, за столь откровенное обсуждение моей плодовитости, но, по-видимому, это не возбраняется среди титулованных особ. – Она вскочила и, не спросив у родителей позволения, выбежала из столовой.

– Должно быть, разыгрались нервы, – слабо проговорила леди Морган и свирепо уставилась на трех дочерей, которые имели смелость захихикать. Внезапный приступ кашля ее супруга не слишком поправил дело. «Было бы лучше, – подумала леди Морган, – отослать поскорее всех детей из столовой, пока у мастера Энтони не сложилось дурное впечатление – если этого еще не произошло». Возможно, в обществе взрослых и за бокалом хорошей мальвазии ее мужу удастся смягчить резкость Блейз. И леди Морган подала незаметный знак Аде, которая тут же принялась выпроваживать из столовой своих подопечных.

Пока няня уводила в детскую младших Морганов, старшие шестеро устроились в комнате, которую Блейз делила с близнецами. Они обнаружили, что старшая сестра лежит на постели, уставившись в потолок и облаченная в одну лишь нижнюю кофточку.

– Убирайтесь, – проворчала Блейз. – Я хочу спать.

– Ну уж нет! – заявила Блайт. – Это последняя ночь в нашей жизни, которую мы проводим все вместе. Завтра ночью ты уже будешь женщиной, и прошлое для нас больше не повторится. Ты покинешь дом первой, Блейз, а потом выйдем замуж и все мы и тоже уедем из Эшби. Похоже, наше детство кончилось. Так давай пока побудем вместе и поболтаем, как болтали прежде!

– Да, да! – подхватили Ларк и Линнет.

Блейз села и оглядела их возбужденные лица. От этого зрелища ее сердце растаяло. Она почувствовала, как слезы подступают к глазам. Блейз так любила сестер – любила каждую из них! Только теперь она поняла, как тоскливо ей будет без них. Разумеется, они снова увидятся, но это будет совсем другое дело. Блайт права: детство кончилось.

Блейз улыбнулась.

– Тогда располагайтесь, – предложила она и расхохоталась, когда все сестры повалились на постель, которую она делила с близнецами. – О чем будем говорить?

– О том, что значит стать женщиной! – потребовала Дилайт с дрожью в голосе. – В конце концов, Блейз, завтра ты выходишь замуж, и у тебя будет первая брачная ночь.

– Откуда я могу знать об этом, глупышка? – усмехнулась невеста.

– Как это откуда? – обиженно возразила Дилайт. – Все мы видели, как спариваются лошади в полях.

– Не могу поверить, что и люди ведут себя подобным образом, – покачала головой Блейз.

– А как же иначе? Разве мама ничего не рассказывала тебе?

Ее старшая сестра отрицательно покачала головой.

Блисс расхохоталась.

– Ну конечно, мама ничего не говорила! Она слишком занята домом, она беспокоится о папе и Эшби, и потом, вряд ли это ей когда-нибудь приходило в голову. Должно быть, с Блейз она хотела поговорить перед свадьбой, но все случилось так внезапно, что она напрочь об этом позабыла.

– А я знаю, что мужчины делают с женщинами.

Все взгляды обратились на возбужденную семилетнюю Ванору, сидящую посреди постели.

– Откуда тебе об этом знать? – фыркнула Блисс. – Смотри, Вана, если лжешь, тебе попадет!

– Я подглядывала в конюшне, как один из слуг был со служанкой. Я видела даже, как папа иногда приходит к одной из скотниц, – торжествующе сообщила Ванора. – Так вы хотите знать, что они делали? Если ты будешь угрожать мне, Блисс, я ничего не скажу!

В спальне воцарилась тишина, и шесть пар горящих от любопытства глаз устремились на Ванору.

– Рассказывай! – потребовала Блисс, угрожающе прищурившись. – Так ты будешь говорить? – Ее пальцы зудели от желания пощечиной стереть самодовольную усмешку с лица малышки.

Ванора наслаждалась минутным превосходством над старшими сестрами, но даже в победном упоении помнила, что испытывать их терпение не стоит – особенно терпение вспыльчивой Блисс. Она глубоко вздохнула и начала:

– У мужчин между ногами есть такая длинная штука, как у животных – конечно, не такая большая, как у жеребцов, но побольше, чем у папиных гончих. Гораздо больше, – повторила она.

Ларк и Линнет охнули хором, округлив крошечные ротки.

– Она что, такая же длинная и красная, как у животных? – поинтересовалась Дилайт с неподдельным интересом, ибо, как и старшим сестрам, когда-нибудь ей предстояло столкнуться с этой тайной. Она уже знала: чтобы избавиться от страха, надо заранее знать, чего ждать.

– В полутемной конюшне или амбаре трудно разглядеть ее как следует, – призналась Ванора, – но мне показалось, что красный у этой штуки только кончик.

– Что ты плетешь! – возмутилась Блисс.

– Постой, – удержала ее Блейз, – я хочу знать, как это бывает, если завтра такое предстоит мне самой. Ну почему же мама ничего мне не объяснила? Эрл решит, что я полная дура. Хотя, похоже, никто из девушек не разбирается в таких вещах.

– Но мы должны знать как следует, – возразила Блайт. – Нельзя бояться неизвестно чего. Говори, Вана. Пусть Блисс и не признается в этом, мы все сгорим от любопытства.

– Иногда мужчины целуют и обнимают женщин. Кажется, им нравится трогать у женщин грудь и совать руку между ногами. И женщинам это нравится – они хихикают, вздыхают и обнимают мужчин. Я даже видела, как женщины ласкают мужчин, – продолжала Ванора. – А потом эти игры кончаются – у всех это бывает по-разному, у кого-то быстрее, у кого-то медленнее. Наконец мужчина кладет женщину на спину, ложится на нее, вытаскивает из штанов свою штуку и сует ее между ногами женщины, прямо ей в живот.

– Врешь! – яростно выпалила Блисс. – Ты это нарочно сочиняешь, чтобы мы слушали тебя.

– А мне все равно, веришь ты или нет, – храбро возразила Ванора, – но это правда! Это называется «совокупляться». Слуги всегда так делают в амбаре. Вот попробуйте спрятаться в сене и увидите, что я не обманываю!

– Говоришь, ты видела, как папа занимался этим со скотницей? – вспомнила Блисс. – Когда?

– Папу я видела только дважды, когда мама болела.

– Вана, неужели женщинам это нравилось? – в ужасе спросила Блейз.

– Конечно, но ума не приложу почему. Глупо так развлекаться. При этом и мужчины, и женщины трясутся, стонут, вздыхают и целуются. Ни за что не согласилась бы на такое, – закончила Ванора.

Ларк и Линнет одновременно кивнули головками, соглашаясь с сестрой.

– Иногда, – призналась Дилайт, – я думаю, как бы я занималась любовью с мужчиной.

– Фу! – с презрением фыркнула Блисс.

– А ты что скажешь, Блейз? – спросила Блайт. – В конце концов завтра ты выходишь замуж. Ты уже думала о том, как эрл будет любить тебя?

– До помолвки я ни о чем таком даже не задумывалась, – откровенно призналась Блейз, – по-моему, это бессмысленно. Я не знала, выйду ли вообще замуж, да и кому мы были нужны? А после помолвки я пыталась представить себе, что значит быть женой Эдмунда Уиндхема. Увы, этого человека я не знаю даже в лицо! Я пыталась мечтать о нем – кажется, так полагается, но это трудно, когда не знаешь человека. Я боялась представлять его себе, чтобы потом не разочароваться.

– Как думаешь, он так же красив, как его племянник? – спросила Блайт. – Может, между ними есть фамильное сходство?

– Надеюсь, нет! По-моему, мастер Энтони – невозможный гордец, – вспыхнула Блейз.

– Что это с тобой? – удивилась Блисс.

– Со мной, как ты выражаешься, ничего, – откликнулась Блейз. – Просто этот мастер Энтони мне не по душе.

– Но почему? – удивилась Блисс. – Ты слишком мало знаешь этого человека, чтобы невзлюбить его.

Блейз на минуту задумалась.

– Не знаю почему, – наконец ответила она, – только он раздражает меня. Могу лишь надеяться, что дядя несколько не похож на него и что в Риверс-Эдж его племянник навещается нечасто.

– Не надейся, – предупредила Блайт. – Я слышала, как Геарта сказала нашей Аде, что эти двое неразлучны с четырехлетнего возраста. Их воспитывала сводная сестра твоего будущего мужа, мать мастера Энтони. Они близки, как братья. Лучше попридержи свое недовольство, сестренка. Твой муж и его племянник – не только родственники, но и друзья.

– Я умею скрывать чувства, Блайт. А потом, когда появятся дети, муж охладет к мастеру Энтони. У милорда будет своя семья, и племянник перестанет так много для него значить.

– А это еще что такое? – возмутилась старая Ада, просунув голову в дверь. – Почему вы еще не в постели, цыплятки? Завтра утром свадьба, и если вы сию же минуту не ляжете спать, то выглядеть будете – хуже некуда! Кому говорю, всем в постель! – ворчала она, выпроваживая из маленькой комнаты Дилайт, Ванору и младших близнецов.

К ночи в спальне похолодало. Блисс и Блайт быстро переоделись в ночные рубашки, а Блейз забралась под одеяло. Устроившись поудобнее, сестры прижались друг к другу, чтобы согреться.

– Как странно завтра вечером будем ложиться спать без тебя, Блейз, – вздохнув, сказала Блайт.

– Возьмите к себе Дилайт, – предложила старшая сестра. – Она ближе к вам по возрасту, чем Ванора и близнецы. Вероятно, теперь, когда у нас появится место, мама поселит Гевина и Гленну отдельно. У Гевина, как единственного мальчика среди нас, должна быть своя спальня. А если Гленна перейдет к Ваноре, Ларк и Линнет, для Дилайт у них не останется места. Она будет в восторге, если вы возьмете ее к себе, Блисс. – Блейз понимала, что Блайт и уговаривать не надо. Как более великодушная, она с радостью предложит Дилайт место в их комнате.

– Ладно уж, пусть малышка перейдет к нам, – нехотя согласилась Блисс. – Иначе этой зимой я буду мерзнуть до смерти, если не лягу в серединку. – Она повернулась спиной к Блейз. – Скажу ей об этом завтра, – заключила она и, как всегда, мгновенно заснула.

– Она ни за что не признается, как будет скучать по тебе, – негромко произнесла Блайт в темноте.

– Знаю. Мне тоже будет ее неоставать.

В комнате наступила тишина. Вскоре Блейз услышала ровное дыхание Блайт и поняла, что вторая сестра тоже погрузилась в сон. Все это так знакомо и мирно, но уже завтра она будет вырвана из привычного рая. Ей придется начать новую жизнь – с незнакомыми людьми, в незнакомом месте. Блейз задумалась. Нет, она не боялась, ибо знала: ее родители не согласились бы на этот брак, если бы не считали лорда Уиндхема добрым и порядочным человеком. Кроме того, Блейз понимала, чем вызвана такая резкая смена планов, поспешная свадебная церемония и отъезд в Риверс-Эдж. Рассудком она оправдывала решение эрла, но в глубине ее души не утихало пламя гнева. В то же время Блейз знала: у нее нет другого выбора, кроме как довериться эрлу Лэнгфордскому, когда речь идет о благополучии его людей. Но при этом она все же не переставала удивляться, почему он отказался покинуть Риверс-Эдж хотя бы на один день. Неужели один-единственный день может значить так много?

Блейз повернулась на бок. Завтра предстоит самый важный день ее жизни, день свадьбы, и этот день будет безнадежно испорчен! Вместо радости и шумного праздника ей придется ограничиться торопливым обрядом, а сразу же после

него – уехать из дома. Когда вечером Блейз показалась родным в новом дорожном костюме, мать отозвала ее в сторону.

– В Риверс-Эдж ты отправишься длинным кружным путем и проедешь через несколько деревень, принадлежащих эрлу Лэнгфордскому, – надо, чтобы крестьяне увидели тебя, – объяснила она. – И потому ни о каком свадебном завтраке не может быть и речи. Мы выпьем за здоровье новобрачных, ты переоденешься и уедешь. – Она ласково обняла дочь. – Дорогая моя, мне так жаль – ибо как бы мы ни были бедны, я так хотела, чтобы этот день запомнился тебе на всю жизнь, стал шумным и праздничным. Конечно, судьба несправедливо обошлась с тобой, но стоит мне вспомнить, какую блестящую партию ты сделала, и я понимаю – надо забыть о мелких неприятностях.

«Да, – сонно согласилась с ней Блейз, – как бы я себя ни чувствовала, решение принято – притом без моего согласия. Завтра состоится брачная церемония по доверенности, хочу я этого или нет, и только потом я познакомлюсь со своим мужем».

Ее муж... Какой он? Будет ли он добр к ней? Полюбит ли ее? А сама она – сможет ли ответить на его любовь? Или все будет так, как рассказала малышка Вана? Наверняка эрл будет осторожен, памятуя о ее девственности. Блейз пыталась представить себе, что это значит – заниматься с ним любовью, но невежество и стыдливость мешали ей даже вообразить себе эту картину. Конечно, Ване удалось пролить некоторый свет на тайны отношений между мужчиной и женщиной, но Блейз полагала, что супружеские отношения в среде дворянства окажутся не такими, как у низших классов. «Скоро я буду знать это наверняка», – подумала Блейз и, возбужденная и встревоженная, наконец заснула.

Утром ей показалось, что она всю ночь не сомкнула глаз, – внезапно в комнату сбежались сестры и принялись будить ее – все, даже рыжеволосая Гленна. С объятиями и смехом Блейз растолкали и осыпали астрами, ноготками и белорозовыми маргаритками.

– Проснись, засоня! – хором закричали они. – Ты же сегодня выходишь замуж!

Блейз не удержалась, чтобы не всплакнуть, вновь осознав, что они в последний раз оказались все вместе. К ее удивлению, сестры тоже расплакались, даже

Блисс, которая раздраженно пробормотала:

– Всю жизнь мы мечтали о том, как бы поскорее выйти замуж, а теперь, когда это случилось с тобой, разревелись, как младенцы. Ничего не понимаю!

Леди Морган и старая Ада прибыли в спальню в сопровождении нескольких служанок, несущих ванну, ведра и кувшины с горячей водой. Кровать, на которой спали три сестры, отодвинули в угол комнатки, чтобы в нее вместилась ванна.

– Геарта поможет тебе вымыться и переодеться, – сказала Розмари Морган старшей дочери, когда выпроводила остальных детей из комнаты и они остались вдвоем. – А пока я хочу поговорить с тобой – о том, какие отношения существуют между мужчинами и женщинами. Тебе незачем и даже вредно знать слишком многое, но ты должна понимать, что тебе предстоит, Блейз. А что касается остального, эрл сам объяснит тебе, как угодить ему. Ты понимаешь?

– Да, мама, – сдержанно отозвалась Блейз, надеясь, что слова матери прояснят все то, о чем недоговорила Ванора. Однако леди Морган, по-видимому, не питала склонности углубляться во все сложности взаимоотношений между мужем и женой. Единственное, о чем с удивлением узнала Блейз, – все пары, независимо от их положения в обществе, занимаются приблизительно одним и тем же.

– Незачем бояться, – добавила леди Морган, – пусть даже сначала тебе будет немного неловко и странно. Ах да, чуть не забыла: в первый раз, когда достоинство твоего мужа проникнет в твое тело, будет немного больно – но это только в первый раз, потому что потом преграда твоего девчества окажется разрушенной и ты перестанешь быть девственницей. А теперь, детка, оставляю тебя на попечение доброй Геарты. Будь хорошей девочкой, Блейз, несмотря на все свои недостатки. Знаю, мы будем гордиться тобой, когда ты станешь графиней Лэнгфорд. – Быстро обняв старшую дочь и поцеловав ее в щеку, леди Морган удалилась.

Явилась Геарта и, сразу заметив, в каком мрачном настроении пребывает невеста, поспешила отвлечь ее болтовней. Сняв с девушки рубашку, она помогла ей влезть в ванну и как следует вымыла ей голову и тело. Растирая Блейз льняной рукавицей, горничная с удовольствием оглядывала ее стройные ноги,

округлые бедра, так отличающиеся от плоской фигуры бедной леди Кэтрин, и маленькие упругие груди. Такое тело годилось, чтобы вынашивать детей, гораздо больше, чем тело прежней графини. Закутав Блейз в огромное жесткое полотенце, Геарта старательно расчесала ей волосы и выжала их.

– А теперь, миледи, – сказала она, – садитесь вот сюда, к окну. Я расстелю ваши волосы по подоконнику, и они мигом высохнут под теплым сентябрьским солнцем.

Пока Блейз сидела неподвижно, почти сонно, под ласковым утренним ветром, перебирающим ее чудесные золотистые волосы, Геарта неумоимо сновала по комнате, выкладывая шелковые чулки и белье, которое предстояло надеть невесте. В дверь скользнула служанка с отглаженным свадебным платьем.

После этого события для Блейз поплыли, как в тумане. Она слышала, как сестры издавали возгласы восторга, примеряя собственные туалеты. Только небольшие переделки понадобились для великолепных бархатных платьев, которые Эдмунд Уиндхем так предусмотрительно преподнес в подарок свояченицам.

Небесно-голубые наряды предназначались для Блисс и Блайт. Алый – для Дилайт, розовые – для Ларк и Линнет. Ванора с трепетом облачилась в платье персикового цвета и застонала от удовольствия: впервые в жизни ей досталась собственная одежда, а не та, которую прежде уже успели поносить старшие сестры. Пятилетней рыжеволосой Гленне помогли надеть темно-зеленый наряд. Ее брат-близнец, Гевин, тоже не был забыт: он гордо расхаживал в черном бархатном костюмчике с первой в его жизни парой бриджей.

– О миледи, вы самая прекрасная невеста из всех, кого мне доводилось видеть! – воскликнула Геарта. – Жаль только, здесь нет зеркала во весь рост и вы не сможете взглянуть на себя. Но это не важно. В ваших покоях в Риверс-Эдже есть отличное зеркало. Завтра вы снова примерите это платье, чтобы вас увидели люди, и тогда как следует наглядитесь на себя.

В комнату вошла леди Морган.

– Замечательно, дорогая моя, ты уже готова. Сестры сплели для тебя этот венок из маргариток. – И она возложила венок из белых и розовых цветов поверх мягких после мытья волос Блейз, распущенных и тщательно расчесанных в знак

ее девственности.

Лорд и леди Морган вместе повели свою старшую дочь в семейную часовню. Ее заполнили все родственники Блейз, слуги, арендаторы Эшби. За резным дубовым алтарем в своей искусно расшитой белой льняной сутане стоял отец Иоанн, мужчина средних лет с редкими волосами цвета песка и блекло-голубыми глазами. Священник близоруко щурился, ослепленный множеством свечей. Рядом со священником возвышался Энтони Уиндхем, которому предстояло действовать по доверенности своего дяди, эрла. Племянник эрла был пышно разряжен в черный бархат.

За последние двадцать четыре часа в жизни Блейз произошло столько перемен, что свадебная церемония показалась ей не более чем сном. Она вяло отвечала на вопросы и почти ошеломленно наблюдала, как мастер Энтони надевает ей на палец кольцо червонного золота с узором из сердечек и цветов. Каким-то образом Блейз удалось продержаться на ногах на протяжении всей службы. Святое причастие на ее языке растаяло, словно леденец, а затем во рту вдруг пересохло. Девушке уже в который раз пришла в голову мысль, что день своей свадьбы она представляла совсем иным.

Наконец все было кончено. Мастер Энтони вывел ее из часовни и впервые за целый час Блейз сумела вздохнуть полной грудью. Почти немедленно ее мысли прояснились. В часовне, где было душно от множества горящих свечей и облаков дыма, поднимающихся от курильниц, она чувствовала лишь стеснение в груди.

– Вы совсем побледнели, – заметил мастер Энтони. – Вам дурно?

Блейз кивнула.

– Свадебная церемония, особенно столь поспешная, и к тому же по доверенности, как эта, слишком тяжела для невесты. Мне и то с трудом удавалось дышать, но теперь все хорошо.

Он повел Блейз в большой зал, а родственники и гости последовали за ними. В зале отец поднял кубок за здоровье новобрачных, и его примеру последовали остальные.

– Пью за здоровье моей дочери Блейз! – провозгласил лорд Морган. – Долгих тебе лет! Счастья! И множества сыновей, моя любимая дочь, графиня Лэнгфорд!

– Долгих лет!.. Счастья!.. Детей!.. И да сохранит Господь графиню Лэнгфорд! – эхом откликнулась толпа гостей.

Не забыли выпить и за здоровье отсутствующего жениха, а затем Блейз торопливо увели из зала обратно в комнату. Там Геарта помогла ей снять прелестное свадебное платье и передела хозяйку в темно-синюю бархатную юбку и такой же лиф, расшитый золотой нитью и жемчугом. Новые сапожки мягко облегли ступни Блейз. Геарта приладила маленькую плоскую шляпку с заorno изогнутым белым пером на голову своей хозяйки и протянула ей пару белых кожаных перчаток, вышитых золотом и жемчугом, как и лиф амазонки.

– Присядьте, отдохните, миледи, – предложила Геарта. – Незачем изнурять себя – вам предстоит долгий путь в Риверс-Эдж.

Внизу, у дверей, вся семья собралась попрощаться с Блейз. Она ласково обняла Гевина и Гленну.

– Побереги это платье, – предупредила она Ванору. – Не забывай, Гленна сможет носить его, когда тебе оно станет мало. А ты получишь другое – обещаю тебе.

– Я бы хотела платье цвета твоей амазонки, – смело попросила Ванора. – Темно-синий цвет мне идет.

– Блейз, как мы будем скучать по тебе! – хором воскликнули Ларк и Линнет. – Постарайся почаще навещать нас.

– Непременно, – пообещала Блейз, целуя близнецов в розовые щечки.

Дилайт бросилась к старшей сестре и крепко обняла ее.

– Кто же теперь защитит меня от Блисс? – громко сокрушалась она. – Кстати, ты знаешь, что близнецы предложили мне переселиться к ним в комнату? Я переберусь туда сегодня же.

– Блайт будет заступаться за тебя – впрочем, это ни к чему. Ты уже давно научилась вовремя избегать вспышек Блисс, – рассмеялась Блейз. – И вообще, мысль о том, чтобы ты жила с близнецами, пришла в голову Блисс.

– Неужели? – Дилайт была изумлена. – Пожалуй, я была несправедлива к ней.

– Наберись терпения, – посоветовала Блейз, в последний раз обнимая сестру. – Не позволяй своему острому язычку победить здравый смысл.

Блисс и Блайт остановились перед ней – они были изумительно красивы в своих небесно-голубых бархатных платьях, усеянных мелким жемчугом. Несомненно, эти девушки были достойны лучшей участи, чем та, на которую они смели рассчитывать до ее замужества.

– Вы великолепны, – произнесла Блейз. – Обещаю вам – я подыщу для вас лучших мужей, но любой мужчина, который увидел бы вас сегодня, отдал бы все, лишь бы жениться на ком-нибудь из вас.

– Будь счастлива, дорогая, – сказала Блайт, целуя сестру в щеку. – Знаю, что ты для нас сделаешь все возможное.

– Неплохо сказано, – проворчала Блисс, – но это мы еще посмотрим. Только время покажет правду, – внезапно ее сапфирово-синие глаза наполнились слезами, и, к вящему неудовольствию самой Блисс, одна из слезинок скатилась по щеке. – Черт побери! – негромко выругалась она, а ее мать возмущенно возвела взор к небесам.

– О Блисс! – воскликнула Блейз, с трудом сдерживая смех. – Ты устроила мне чудесное прощание! Как же мне будет не доставать тебя!

– Прошу прощения, миледи, но нам пора, – вмешался Энтони Уиндхем.

Блейз метнула в его сторону враждебный взгляд.

– Я должна попрощаться с родителями, сэр, и вам придется подождать меня, хотите вы этого или нет. – Она повернулась и, лишь обнявшись с матерью, поняла, как крепко любит ее.

– Постарайся помнить все, чему я тебя учила, детка... – начала леди Розмари.

– Ну конечно, она ничего не забудет! – перебил лорд Морган, понимая нетерпение Энтони. Обняв старшую дочь за плечи, Роберт Морган звучно чмокнул ее в щеку и повел к крыльцу, возле которого ждали лошади. Прежде чем Блейз успела опомниться, она оказалась в седле.

– Папа, стой... – запротестовала она.

– Теперь ты замужняя дама, Блейз. Мы любим тебя, мы все желаем тебе удачи, но если ты задержишься здесь еще хотя бы на минуту, и твоя мать, и сестры разразятся рыданиями. И потом нам пора приниматься за работу – мастер Гарт говорит, что через пару дней начнутся дожди. Ты же знаешь, сырое зерно быстро загнивает. Поезжай домой, к мужу, дочка.

Блейз понимала отца гораздо лучше, чем он предполагал. Мягкая улыбка тронула ее губы.

– До свидания, папа, – произнесла она. – Я люблю тебя! – И, пришпорив лошадь, она двинулась прочь от родных, от Эшби, от всего знакомого и привычного – к новым местам и новой жизни.

Часть II

Риверс-Эдж, осень 1521 года – январь 1525 года

Глава 3

Еще никогда в жизни Блейз не уезжала от Эшби-Холла дальше чем на несколько миль. Не прошло и часа, как известные ей ориентиры остались позади, а впереди показалась незнакомая местность. Дом, где прошло ее детство, еще долго виднелся вдалеке, среди холмов Молверна, на восточном берегу реки Уай.

Кавалькада устремилась на северо-запад, ибо Риверс-Эдж расположился на западном берегу Уая, неподалеку от Черных гор. Под сентябрьским солнцем со всех сторон расстилались поля; зеленые пастбища с мирно пощипывающими траву коровами и овцами сменялись еще более яркой зеленью лесов и изгородей, увитых хмелем, а затем – золотистыми полями поспевающей пшеницы. Дорога вилась меж старых яблоневых садов, где ветви деревьев отягощали налитые плоды, наполняя воздух сладким ароматом.

Вокруг простирались мирные земли. Вооруженная охрана путникам была бы ни к чему, если бы не забота о чести невесты. Блейз ехала верхом на породистой белой кобыле, а мастер Энтони – рядом, на сером в яблоках жеребце. Позади трусила Геарта на приземистом и коренастом гнедом пони. Всадники двигались торопливым шагом – им предстояло преодолеть семнадцать миль между Эшби и Риверс-Эджем и по пути перебраться через Уай.

Солнце уже стояло в зените, когда Энтони Уиндхем объявил наконец привал. Блейз была ужасно голодна, поскольку свадебная церемония состоялась рано утром, и до службы она так и не успела перекусить, а потом надо было переодеться. Почему-то никому и в голову не пришло предложить ей позавтракать перед путешествием продолжительностью в целый день.

С небрежной легкостью спрыгнув с седла, Энтони подошел к Блейз и помог ей спешиться, ощутив, как она напряглась, едва его ладони сомкнулись на ее тонкой талии.

Она тотчас высвободилась из его рук, заметив при этом:

– Я умираю с голоду, сэр. Надеюсь, мы остановились, чтобы перекусить, – наверняка кухарка из Эшби не забыла снабдить вас припасами в дорогу.

– Мы остановились только чтобы лошади могли отдохнуть, а слуги – облегчиться, мадам, – не без иронии отозвался Энтони, с удовольствием отметив, что щеки Блейз залил густой румянец.

– Вы несносны! – выпалила она.

– Возможно, облегчиться не помешает и вам, – ничуть не смущаясь, продолжал он. – Впредь мы не сделаем ни одного привала до самого Риверс-Эджа.

– Перестаньте-ка насмехаться, мастер Энтони! – потребовала Геарта, которая ухитрилась спуститься со своего пони без посторонней помощи. – О миледи, не обращайтесь на него внимания. Острым языком он заслужил себе дурную славу. Вон там, под деревьями, найдется удобное местечко для вас – чтобы отдохнуть и перекусить. Бедняжка, – без умолку тараторила она, – у вас сегодня во рту и маковой росинки не было, верно ведь? Да, кухарка из Эшби не позабыла собрать вам корзинку. Что же касается вас, мастер Энтони, то только от графини зависит, получите вы что-нибудь съестное или нет. – И она быстро увела Блейз к облюбованному месту. Узкий ручеек, скрытый от дороги кустами, журчал по каменистому дну неподалеку от деревьев, под которыми Геарта устроила свою госпожу.

– Какая прелесть! – воскликнула Блейз, склоняясь, чтобы ополоснуть руки и лицо в ледяной чистой воде. Расправив юбки, она уселась спиной к дереву и прислонилась к стволу.

К тому времени Геарта успела перенести поближе корзину, доверху наполненную едой. Блейз разрешила служанке сесть, и вдвоем они принялись рыться в корзине. Внутри оказались две свежее испеченные булки – каждая из них была аккуратно завернута в льняную салфетку вместе с нагретой мраморной плиткой, чтобы хлеб не остыл раньше времени. Нашлись в корзине и кусочек масла, и ломоть твердого желтого сыра. Жареный кролик был предусмотрительно поделен на куски. Кроме него, в корзине были небольшой сливовый кекс, несколько яблок и груш и невысокая плотно закупоренная бутылка с золотистым сладким вином.

– Ешь! – велела Блейз горничной, отламывая булку и щедро намазывая ее маслом. Поверх масла она положила толстый ломоть сыра, отрезанного от большого куска. Откусив наспех сделанный бутерброд, Блейз даже застонала от наслаждения и потянулась за бутылкой. Геарта протянула ей бокал, и Блейз наполнила его, не переставая жевать хлеб с сыром. Проглотив очередной кусок, она запила его большим глотком вина. – О, как вкусно! Геарта, да съешь же хоть что-нибудь! Одной мне со всем этим не справиться.

– А как же мастер Энтони, миледи?

Блейз оглянулась на дорогу, туда, где Энтони Уиндхем стоял в окружении слуг, которые что-то жевали.

– Что они едят, Геарта?

– Они захватили с собой хлеб и вино, миледи.

– И лорд Энтони тоже?

– Не знаю, миледи. По-моему, он надеялся пообедать вместе с вами.

Блейз нахмурилась.

– Нельзя, чтобы он остался голодным, – заметила она. – Отнеси ему еды, Геарта.

– В присутствии слуг это будет неудобно, миледи, – мягко возразила Геарта госпоже. – Вам следует пригласить его присоединиться к нам.

Пухлые губки Блейз изогнулись от раздражения, но, подумав, она кивнула служанке.

– Хорошо, Геарта, передай мастеру Энтони, что я приглашаю его пообедать.

Энтони подошел, втайне решив больше не досаждать своей вспыльчивой юной тетушке. То, что Блейз он пришелся не по душе, Энтони заметил сразу же, хотя и не понимал почему, ибо их знакомство было слишком кратким. Возможно, Блейз возненавидела его, как наследника Эдмунда. «Жадная девчонка», – подумал он, усмехаясь и надеясь, что, как только Блейз поймет, что он не представляет угрозы, она будет относиться к нему более любезно. Семья Уиндхемов не отличалась многочисленностью, и им не следовало ссориться, ибо семья крепка, лишь когда члены ее близки между собой. Энтони вдруг понял, что пришла пора и ему самому выбрать себе жену – возможно, подойдет кто-нибудь из младших сестренек Морган. Скажем, робкая Блайт или смешливая Дилайт.

Оказавшись рядом с Блейз, он пустил в ход все свое обаяние.

– Весьма благодарен вам, миледи, за предложение поделиться со мной обедом. Вы позволите присесть?

Блейз с достоинством кивнула, указав на место напротив нее. Она протянула Энтони салфетку с намазанным маслом ломтем хлеба, сыром и крольчатинной.

– Поешьте, мастер Энтони.

Вгрызаясь в мясо крепкими белыми зубами, он вскоре обглодал кость дочиста. Блейз с удивлением протянула ему еще кусок, который исчез с такой же быстротой, а за ним последовал и хлеб. Сама Блейз деликатно отщипывала крошечные кусочки мяса, утолив голод хлебом и сыром.

– Не хотите ли вина, сэр? – предложила она, и Энтони покачал головой в ответ, поглощая хлеб и сыр.

– Благодарю вас, мадам, но вином-то я запасаюсь, а здесь, как вижу, едва хватит и вам. Мне бы не хотелось подвергать вас лишениям.

После этого краткого обмена любезностями разговор не возобновлялся. Блейз разрешила сливовый кекс на три части и поделилась им с Энтони и Геартой. Расправившись со своим любимым кексом, она принялась за яблоко и грушу. Как бы она ни нервничала, предчувствуя скорое прибытие в Риверс-Эдж – а до поместья осталась всего половина пути, – этот привал помог ей овладеть собой.

Энтони Уиндхем вытер пальцы о салфетку и, уже поднимаясь, произнес:

– Миледи, нам предстоит вскоре продолжить путь. Прошу простить мою неделикатность, но у вас есть последняя возможность удовлетворить свои... гм, естественные потребности. – И прежде, чем Блейз успела рот открыть, он отвернулся и отошел.

– Он прав, миледи: нет ничего неудобнее поездки верхом, когда... ну вы же понимаете, миледи, – смущенно заметила Геарта.

– Да, понимаю, – с усмешкой отозвалась Блейз, – но терпеть не могу, когда мне постоянно напоминают об этом, словно ребенку. Геарта, последи, чтобы сюда никто не подходил.

Вскоре они вновь двинулись в путь и через некоторое время увидели реку Уай, воды которой серебрились под теплым полуденным солнцем. Когда кавалькада достигла берега, перевозчик уже поджидал ее в лодке.

– Это и есть невеста? – без тени смущения спросил он у Энтони.

– Да, Румфорд, это твоя молодая госпожа, графиня Лэнгфорд. Мадам, позвольте представить вам стража переправы Майклсчерч, мастера Румфорда.

Блейз улыбнулась морщинистому старику.

– Мне еще никогда не доводилось переплывать через реку, – призналась она. – Должно быть, нелегко подвести лодку к берегу там, где нужно, Румфорд.

– Помилуйте, миледи, с этим делом справится и ребенок, – скромно возразил перевозчик, сдергивая с головы шапку и вежливо кланяясь. – Я стал перевозчиком его светлости с тех пор, как постарел мой отец, а когда состарюсь я, мое место займет кто-нибудь из троих сыновей. Румфорды испокон веку водили здесь лодки, так что не тревожьтесь. Да и старина Уай сегодня тих, как мышка. Переправляться через него – все равно что кататься по пруду.

Лодочник оказался верен своему слову, и в три приема доставил всю кавалькаду на другой берег реки.

– Теперь мы уже во владениях Лэнгфорда, – объявил мастер Энтони. – Отсюда в Риверс-Эдж ведут две дороги: одна, короткая, тянется вдоль реки – дом находится всего в трех милях отсюда. Если вы не слишком устали, Эдмунд просил доставить вас к дому длинной дорогой – для этого вам понадобится проехать через две деревни. Как нам быть – решать вам.

Блейз выпрямилась в седле. Больше всего она сейчас мечтала о завершении путешествия и горячей ванне. Еще никогда в жизни ей не приходилось так подолгу ездить верхом, она устала и чувствовала боль во всем теле. Но гораздо важнее было не обмануть ожидания мужа, который явно хотел, чтобы Блейз прибыла к дому кружным путем.

– Мы побываем в деревнях, – спокойно произнесла она.

– Вот и славно! – одобрительно отозвался Энтони. Его покровительственный тон больно уколол Блейз, но она поняла, что ее предположение оказалось верным.

По дороге она не раз порадовалась своему решению. Добросердечный прием и явное одобрение жителей деревень взбодрили Блейз и придали ей уверенности. Люди с улыбками выбегали из домов, выкрикивали дружеские приветствия. Какая-то проворная девчушка пробилась сквозь кавалькаду к Блейз и подала ей наспех собранный букет из ноготков и астр. Блейз улыбалась всем вокруг, а в ответ раздавались дружные возгласы: «Да благословит Господь ее светлость!» Прием во второй деревне оказался еще теплее, и щеки Блейз зарделись, когда она услышала, как женщины громко нахваляются ее фигуру, предсказывая, что эта молодая госпожа наверняка способна вынашивать и рожать детей.

– Они не хотели вас обидеть, – заметил мастер Энтони, – и уж тем более смутить, но они правда ждут не дождутся, когда у моего дяди появится наследник.

– Понятно, – напряженно выговорила Блейз. – Ради наследников он и взял меня в жены – разве не это мне вбивали в голову целых два месяца? – Она улыбнулась и помахала рукой крестьянам, выезжая из деревни на дорогу, вьющуюся среди полей.

– Эдмунд – хороший человек, – продолжал Энтони. – Надеюсь, вы полюбите друг друга. По-моему, в браке нет ничего важнее любви.

– Милорд любил свою первую жену?

– Да, он обожал Кэти. Они знали друг друга еще с детства.

Блейз погрузилась в молчание. Если эрл любил первую жену, сможет ли он полюбить и ее, Блейз? О, как она надеялась на это! Она еще не знала, что такое любовь между мужчиной и женщиной, но мечтала испытать это самое восхитительное и желанное из чувств. Одна мысль о том, что до конца жизни ей так и не доведется изведать любви, приводила девушку в ужас.

Вдруг Энтони прервал ее раздумья:

– Смотрите, это Риверс-Эдж!

Они выехали на вершину холма, и внизу, у реки Уай, восточной границы владений эрла, показался Риверс-Эдж, словно изящная драгоценная вещь в оправе садов. Этих хорошо ухоженных садов уже коснулась своим дыханием ранняя осень. Дом был выстроен в форме латинской буквы «Н» – в честь короля, даровавшего Уиндхемам титул эрлов. Его стены, сложенные из потемневшего красного кирпича, увивал густой зеленый плющ. Над грифельно-серой крышей поднималось не меньше полудюжины труб. Блейз издалека заметила суету возле дома, и ее сердце стремительно забилося.

Она долго не осмеливалась поднять глаз. Что, если она с первой же секунды разочаруется в своем муже? Или сама разочарует его? По собственному почину ее кобыла остановилась. Сильные руки обхватили Блейз за талию, подняли с седла и бережно поставили на землю.

Большой и указательный палец сильной мужской руки коснулись ее подбородка, осторожно приподнимая его. Блейз вдруг обнаружила, что смотрит прямо в карие глаза, самые ласковые и добрые, какие ей только доводилось видеть. Чудесный голос, глубокий и нежный, произнес:

– Добро пожаловать домой, Блейз Уиндхем. Я ваш муж, Эдмунд, – добавил он, оглядывая Блейз, – и мне не терпится узнать, заслужил ли я ваше одобрение, мадам.

– О да, милорд! – вырвалось у Блейз. В ее голосе явно прозвучало облегчение, и она тут же покраснела, осознав, какой дерзостью могут показаться ее слова. Но Эдмунд Уиндхем засмеялся.

– Лишь сегодня утром, на рассвете, мне пришло в голову, что мне-то посчастливилось увезти из Эшби ваш портрет, но вы даже не представляете себе, как я выгляжу, – потому, что я позабыл сделать вам ответный подарок. Надеюсь, вы простите меня, Блейз. Обещаю вам, я исправлю свою оплошность – стоит вам только позволить.

Блейз снова покраснела. Неужели его слова таили более глубокий смысл, чем показалось вначале, или же это только игра ее воображения? Заметив ее замешательство, Эдмунд Уиндхем осторожно сжал в ладони хрупкие пальчики Блейз и повел ее в дом. «Она очаровательна», – думал Эдмунд. Совершенная невинность Блейз изумила его, но могло ли быть иначе? Единственный визит в

Эшби убедил Эдмунда в том, что Морганы ведут уединенную, даже замкнутую жизнь.

А сама Блейз с радостью воспользовалась минутой, чтобы взять себя в руки. Она до сих пор не могла поверить в свою удачу. Тогда, прячась вместе с сестрами за кустами и подглядывая за лордом Уиндхемом и отцом, она не смогла как следует разглядеть гостя, да и не стремилась к этому. Когда же она узнала свою участь, то, сколько ни пыталась, не могла припомнить лица эрла. И теперь Блейз с удовольствием обнаружила, что ее мужем оказался на редкость привлекательный мужчина. Как позавидовала бы ей Блосс, если бы узнала об этом!

Непременно надо написать сестрам – написать и сообщить, что ее муж так же высок, как лорд Энтони. Что у него темно-каштановые волосы, а глаза имеют теплый оттенок шерри. Она украдкой взглянула на руку мужа, в которой покоилась ее ладонь. Рука Эдмунда оказалась не чересчур огромной, но большой, с длинными пальцами и крепкими, почти квадратными ногтями. Эдмунд был одет в черный бархатный костюм с камзолом, богато расшитым драгоценными камнями. От темной материи его лицо казалось еще светлее.

Он провел жену в большой зал Риверс-Эджа – великолепную комнату с высоким сводчатым потолком, покрытым позолотой. Здесь помещалось четыре громадных камина, в которых пылали ароматные вишневые поленья, а высокие окна поднимались до потолка по обеим сторонам зала. Сквозь окна, обращенные на запад, был виден закат. Чуть ли не через весь зал тянулся длинный стол резного золотистого дуба, а возле него, на возвышении, стояли два кресла с высокими, как у трона, спинками. В зал стекались слуги.

– Вы, должно быть, устали, Блейз, – обратился к ней муж приглушенным, доверительным голосом. – Сможете ли вы продержаться еще немного – только чтобы познакомиться со слугами?

– Да, милорд, – негромко отозвалась она, подумав: если бы Эдмунд в эту минуту попросил ее взлететь прямо на луну, она постаралась бы исполнить его просьбу. Неужели на свете мог найтись второй такой же внимательный и добрый человек? А она еще боялась, что он окажется надменным и насмешливым, как его племянник.

Следующие несколько минут прошли так, словно Блейз наблюдала за собой со стороны, очутившись вне собственного тела. Ее приветствовали все домашние и дворовые слуги – грациозными поклонами, улыбками и добрыми пожеланиями. Блейз подумала, что мать стала бы гордиться ею, ибо ее дочь в эту минуту умело скрывала подлинные чувства. Все, о чем она сейчас мечтала, – остаться наедине с обладателем этого чудесного бархатистого голоса, узнать о нем побольше, угодить ему. Но Блейз стояла, гордо выпрямившись и исполняя свой долг молодой графини Лэнгфорд, пока зал не покинул последний из слуг.

– Вы справились как нельзя лучше, – заявил эрл, к вящему удовольствию Блейз, когда они вновь остались вдвоем. – Но вы устали, и это понятно. Позвольте проводить вас в ваши покои, дорогая. Когда вы выкупаетесь и отдохнете, мы сможем поужинать – в вашей гостиной, если вы не против.

– Да, конечно, я была бы очень рада, – отозвалась Блейз. – Только вчера, примерно в такой же час, я узнала, что сегодня мне предстоит встретиться с вами. Все произошло слишком быстро, и я никак не могу поверить в то, что оказалась здесь.

Эдмунд Уиндхем улыбнулся ее непосредственности.

– Понимаю, дата нашей свадьбы изменилась слишком неожиданно, – подтвердил он, – но уверен, Тони объяснил вам и вашим родителям, что этому есть веские причины. Вы ведь проезжали через Майклсчерч и Уэйтон, и сами видели, как радостно было воспринято ваше прибытие. События этого лета переполошили народ. Пожилые и суеверные жители деревень считали, что кто-то сглазил Лэнгфорд, его хозяйку и слуг. Я счел своим долгом как можно быстрее пресечь подобные слухи. И конечно, если бы не эти крайние обстоятельства, я не решился бы лишать вас памятного дня. Я постараюсь загладить свою вину, Блейз Уиндхем, это я вам обещаю.

Пока он говорил, супруги вышли из большого зала, и Эдмунд повел молодую жену вверх по широкой лестнице к галерее, по одной из сторон которой тянулись окна. Остановившись перед дверью из темного дуба, он повернул бронзовую ручку и широко распахнул ее, а затем, к полному изумлению Блейз, подхватил ее на руки и перенес через порог комнаты. Когда Блейз оказалась на полу, она не знала, сумеет ли устоять, ибо ее ноги вдруг подкосились и задрожали.

– А теперь я предоставляю вас умелым заботам Геарты, – мягко произнес Эдмунд. – И когда вы будете готовы принять меня, вам понадобится всего лишь послать за мной. – Взяв Блейз за плечи, он нежно поцеловал ее в лоб и вышел.

Блейз стояла неподвижно, словно приросла к полу, уставясь на закрывшуюся за ним дверь. Ей следовало бы упасть на колени и возблагодарить Пресвятую Деву за такого внимательного и доброго мужа. Она чуть не рассмеялась, вспомнив, как протестовала против этого брака. О, если бы Эдмунд только любил ее! Блейз даже не сомневалась, что сама-то она уже влюблена в мужа.

– Миледи! – Геарта легко притронулась к ее плечу.

Блейз обернулась и рассмеялась.

– Похоже, я спятила, – пошутила она.

– Мы все мечтаем, чтобы вы были без ума от нашего хозяина, – негромко заметила горничная. – Он добрый человек, миледи, но в последние годы ему не очень-то везло. Все мы уверены: вы принесете ему удачу и здоровых детишек. Идемте же, ванна готова.

Впервые с тех пор как Блейз вошла в этот дом, ей удалось оглядеться. Стены гостиной, в которой она оказалась, были отделаны льняными драпировками. По отполированному до блеска полу стлался алый шерстяной ковер с синими узорами – таких роскошных Блейз еще никогда не видела. В Эшби полы в коридорах посыпали сеном и тростником, а полы в спальнях оставались голыми, за исключением холодных зим, когда их устилали овчинами. Окна со свинцовыми переплетами рам прикрывали темно-синие бархатные шторы. Вся мебель в комнате была резной, из полированного дуба, а на длинном столе приковывала взгляд изящная фарфоровая ваза с бледно-розовыми розами. В камине приветливо горел огонь.

Блейз еще никогда не видела такой прелестной комнаты, но ей не удалось вдоволь насладиться ее убранством, ибо Геарта провела хозяйку в спальню. Губы Блейз округлились при виде второй комнаты. Как и в гостиной, стены спальни покрывали драпировки, окна были занавешены бархатными шторами. Над громадной дубовой кроватью нависал светло-синий бархатный балдахин, а камин в углу согревал комнату. Были еще несколько резных дубовых сундуков и

маленькие столики по обеим сторонам постели – в серебряные подсвечники на каждом из них были вставлены тонкие свечи из чистого воска.

– Гардеробная вот здесь, – объяснила Геарта, указывая на дверь в углу спальни.

Блейз обомлела: даже спальня ее родителей не была так велика.

– Это комната леди Кэтрин? – спросила она у горничной.

– Разумеется, миледи. По обычаю эту комнату надлежит занимать графине, но милорд велел заново обставить ее для вас. Во времена леди Кэтрин драпировки были малиновыми – ее любимого цвета, он подходил бывшей хозяйке... Идемте же, миледи, а то вода остынет.

Блейз увидела просторную дубовую ванну, стоящую у камина. Над ней вился благоуханный пар. Дома у Блейз ванна была в половину меньше, но, похоже, все вещи здесь отличались внушительными размерами. Блейз позволила Геарте раздеть себя и искупать. Вода в ванне была маслянистой и источала аромат фиалок. Вытерев госпожу, Геарта помогла ей одеться в кремовое шелковое домашнее платье. Застегивая последние из мелких перламутровых пуговиц, Блейз бросила взгляд на окно и увидела, что приближается ночь. Геарта подвела хозяйку к огромному зеркалу.

– Разве вы не прелесть, миледи? – с удовлетворением произнесла горничная. – Вам не составит труда угодить его светлости.

Только теперь Блейз вспомнила, что приближается ее первая брачная ночь – за весь день она не успела задуматься об этом, слишком уж много событий ей пришлось пережить. А теперь вдруг оказалось, что ей предстоит встретиться с мужем, которому не терпится напомнить о своих правах и зачать ребенка. Глядя в зеркало, Блейз, не лишенная сообразительности, понимала: и ее лицо, и фигура представляют сильнейшее искушение для любого мужчины. Перед ее глазами предстала девушка ростом не выше пяти футов и трех дюймов. В узком вырезе платья открывалась соблазнительная ложбинка между упругими грудями. Золотистые распущенные волосы вились вокруг лица и ниспадали на спину, мягкие, как шелк платья, с которым они соприкасались. Заглядевшись, Блейз вздрогнула, услышав стук в дверь.

Хорошенькая служанка просунула голову в комнату и сказала:

– Прошу меня простить, миледи, но кухарка послала узнать, можно ли подавать ужин.

Прежде чем Блейз сумела ответить, за нее это сделала Геарта:

– Ну конечно, милочка! Живо пришли сюда лакеев, чтобы они унесли ванну, пока не появился его светлость. Да поторопись же!

Блейз внимательно наблюдала, как лакеи, отворачиваясь из деликатности, уносят из комнаты ванну. Сквозь дверь, ведущую в гостиную, она видела, как служанки накрывают на стол, устланный белоснежной скатертью. На столе возвышался серебряный шандал.

– Надо ли послать за его светлостью, миледи? – спросила Геарта.

После минутного смущения Блейз кивнула. У нее не было причин отвергать Эдмунда – подобный поступок неизбежно вызовет скандал. Она попыталась припомнить то, что говорила ей мать, но рассказ матери смешался с откровениями младшей сестренки. С каждой минутой девушкой все сильнее овладевал страх.

Как она сможет отдаться этому незнакомцу, каким бы добрым он ни был? Ей хотелось как следует узнать только что обретенного мужа, пока же ей было известно лишь его имя. Блейз вспомнила, что не знает даже дня его рождения, понятия не имеет, любит ли он музыку и какова его излюбленная еда. Внезапно Блейз поняла, что осталась в одиночестве, и когда открылась дверь, почти не заметная среди драпировок на стенах спальни, она чуть не вскрикнула от ужаса. В комнату вошел Эдмунд Уиндхем, облаченный в стеганный темно-зеленый бархатный халат.

– Блейз, что с вами? Кто вас напугал? – с явным беспокойством воскликнул он.

– Я... я просто не ожидала, что вы войдете отсюда, – запинаясь, выговорила она.

– Эта дверь выходит в мою спальню, – объяснил Эдмунд. – Незачем делать всеобщим достоянием наши встречи.

В голове Блейз крутилась только одна мысль: неужели и выглядит она так же глупо, как чувствует себя?

Эдмунд взял ее за руку и повел в гостиную, где на столе перед камином их ждал ужин.

– Должно быть, вы отчаянно проголодались, – заметил эрл. – Тони говорил, что по пути сюда вы сделали всего один краткий привал и подкрепились припасами, которые уложила в дорогу кухарка из Эшби. Скоро вы поймете: здешняя кухарка – мастерица в своем деле. Путешествие прошло приятно?

– Да, милорд. Местность между Эшби и Риверс-Эджем так живописна – я еще никогда не видела ничего подобного, а тем более такой широкой реки.

Он улыбнулся и усадил ее за стол.

– Сегодня я буду прислуживать вам, миледи, – пообещал эрл. Отойдя к приставному столику, он взял тарелку и наполнил ее, задерживаясь над каждым блюдом, прежде чем снять с него крышку. Когда он наконец поставил тарелку перед Блейз, оказалось, что на ней лежат ломтик нежно-розового лосося на листочке кресс-салата, кусочек грудинки и крылышко каплуна под лимонно-имбирным соусом, а также маленькая баранья котлетка и сочная зелень, протушенная в белом вине. Кроме того, на столе ждали своей очереди горячая булка, золотистый кубик свежего масла и два вида сыра – твердый и острый золотистый и мягкий французский бри – такой Блейз видела впервые в жизни.

Тем временем эрл наполнил две тарелки для себя, переложив на одну из них не меньше дюжины открытых раковин с устрицами, а на другую – сочный ломоть говядины, ножку каплуна, три котлетки и тушеную зелень. Прежде чем сесть, Эдмунд Уиндхем разлил темно-бордовое вино в кубки из потемневшего серебра, стоящие у каждого из приборов. Устроившись напротив жены, эрл отрезал два кусочка хлеба и протянул один ей.

– Вам когда-нибудь случалось покидать Эшби, Блейз? – спросил он светским тоном.

– Нет, милорд, я никогда не отъезжала от дома дальше чем на несколько миль. На свой двенадцатый день рождения я попросила разрешения осмотреть собор в Херефорде. Родители согласились, но увы, путешествие сорвалось: мои младшие сестры захворали, и мы никуда не смогли поехать. – Пожав плечами, она откусила крылышко.

Эрл проглотил устрицу и заметил:

– Вероятно, когда вы освоитесь здесь, в Риверс-Эдже, вы пожелаете, чтобы сестры нанесли вам визит.

– О да, милорд! – Она просияла, и эрл вдруг понял, что она перепугана. – Как мне хотелось бы этого! Я уже скучаю по сестрам. Мы и не думали, что когда-нибудь нам придется расстаться. Нам и в голову не приходило, что кто-нибудь из нас сможет сделать такую блестящую партию, – торопливо договорила она и посмотрела своими фиалковыми глазами прямо на эрла, заставив его затаить дыхание. – Чем я смогу отблагодарить вас за доброту, милорд? – продолжала она. – Вы явились к нам подобно сказочному крестному отцу – сначала взяли меня в жены, а затем назначили приданое моим сестрам, чтобы и они сумели удачно выйти замуж. Я стану для вас самой лучшей женой, милорд, и, несомненно, Бог благословит нас сыновьями, о которых вы мечтаете!

Сказочный крестный отец! Эрл едва сдержал усмешку, услышав эти искренние слова. Почти два месяца он с вожделением любовался ее миниатюрным портретом, но реальность оказалась несравненно лучше. Однако эрлу совсем не хотелось становиться крестным отцом своей жены – он жаждал стать ее возлюбленным! Более соблазнительного создания ему еще не доводилось видеть, и он страстно желал ее. Но вместо того чтобы признаться в этом, эрл произнес с расстановкой:

– Уверен, вы станете идеальной женой, Блейз, и у нас будет полный дом детей – и самое главное, сыновей.

Некоторое время они ели молча, а когда эрл отложил вилку, то заметил, что содержимое тарелки Блейз осталось почти нетронутым, хотя ее кубок опустел. На приставном столике ждало своей очереди яблочное пирожное с блюдом взбитых сливок. Поднявшись, эрл убрал тарелки и предложил жене ломтик пирожного, а сливки поставил на стол между ними. От сладкого Блейз не стала

отказываться. Когда пирожное было съедено и она облизнула усики из взбитых сливок в уголках губ, эрл поднялся, обошел вокруг стола и помог жене встать, обняв за талию.

Блейз напряглась. Она понимала, что так не следует поступать, но просто не могла сдержаться. Нервно покусывая нижнюю губу, она отвела взгляд, чувствуя, как сердце колотится в груди все быстрее. «Он же мой муж, – с отчаянием думала она, – я должна ему повиноваться. Должна ему угодить. Нельзя поддаваться детскому страху, ведь я теперь жена». Она задрожала.

– Ты боишься, – спокойно заключил он.

– Да, – прошептала Блейз, ненавидя себя за трусость.

Он поднял ее лицо за подбородок – так, чтобы взглянуть ей в глаза, а затем, склонившись, коснулся губами ее губ. Губы Блейз были холодными и застывшими, и от его прикосновения начали неудержимо трястись. Эдмунд был удивлен, но, подчиняясь чувствам, не разжимал объятий.

– Ты девственница, – снова уверенно заявил он. – Такая боязнь вполне естественна. Разве мать не говорила тебе, чего следует ожидать?

Блейз безмолвно кивнула, уклоняясь от его взгляда.

Но эрл угадал: здесь кроется нечто большее, чем страх девушки перед первой брачной ночью.

– Не надо бояться меня, Блейз, – спокойно попросил он. – Я хочу узнать, почему ты так напугана. Незачем со страхом думать о том, что я – твой муж. Ты должна доверять мне, и я хочу услышать от тебя правду, дорогая. Посмотри на меня, детка, и отвечай.

Блейз подняла голову и с трудом взглянула ему в глаза.

– Вы сочтете меня глупой, милорд, но умоляю вас не сердиться. Мне известно, что женщины выходят замуж за незнакомых мужчин, известно, что они спят вместе сразу же после свадьбы. Но я так не могу. Я вас совсем не знаю. Знаю

только, вам хотелось бы иметь сына – такова цель нашего союза. Родители втолковывали мне это несколько недель подряд, а ваш племянник помогал им – и вчера, и сегодня, по дороге из Эшби.

И все-таки это положение меня не устраивает. Я счастлива, что вы выбрали именно меня, для меня это большая честь. Клянусь вам, я приложу все силы, чтобы подарить вам сына. Но вам, сэр, придется завоевать мое расположение! Возможно, вам так и не удастся полюбить меня, но я хочу, чтобы нас связывало нечто большее, нежели священные узы и дети. Я уже видела свидетельства вашей доброты, так почему бы вам не уделить мне еще немного времени, чтобы мы хотя бы успели стать друзьями? Разве я многого прошу? – умоляла она.

Ухаживать за собственной женой – эта мысль показалась Эдмунду странной, пикантной, и, удивительное дело, совсем не вызвала недовольства. С первой своей женой Эдмунд был знаком с детства. Их брак стал естественным результатом долгой дружбы и необходимости. И хотя эрл уже пылал страстью к этой очаровательной незнакомке, он был деликатным человеком. Мысль о том, что он собирался лечь с ней в постель, не успев толком познакомиться, вдруг стала для него отвратительна.

Он осторожно провел пальцем по щеке Блейз и с расстановкой произнес:

– В твоих словах есть немало смысла, Блейз. Я был бы счастлив заслужить твою благосклонность. Страсть между мужчиной и женщиной должна быть взаимной, должна приносить наслаждение им обоим. Но скажи, сколько продлится это ухаживание?

– Мы оба пойдем, когда наступит нужный момент, – верно, милорд? – ответила она, осмелев.

– Какая же ты умница, Блейз! – улыбаясь, воскликнул он. – Ну что же, принимаю твое предложение. Я стану ухаживать за тобой, прилагая все свои знания и опыт. А потом, когда наступит время, мы соединимся в истинном смысле слова – как подобает мужу и жене. Но прежде я научу тебя целоваться.

– Мне еще никогда не приходилось целоваться с мужчинами, – призналась Блейз.

– В этом не может быть никаких сомнений, – с мягкой насмешкой подтвердил эрл. – Твои губы были холодны, как лед, и что еще хуже – тверды, как невыделанная кожа.

– Возможно, теперь, когда я больше не боюсь вас, у меня получится лучше, – воспрянув духом, заявила Блейз. – Может, попробуем?

Закрыв глаза, так, что длинные темные ресницы легли ей на щеки, Блейз подставила мужу лицо, восхитительным движением округлив губы.

При виде ее непосредственности эрл чуть не рассмеялся. Черт, как же она мила! Он склонился, чтобы поцеловать ее, и на этот раз обнаружил, что она удобно устроилась в его объятиях. Ее губы смягчились, став гладкими и шелковистыми, как розовые лепестки, и слегка приоткрылись в чувственном порыве, когда он прижался к ним сильнее. Наконец эрл нехотя отстранился, словно опьяненный ароматом ее невинности. От поцелуя у него закружилась голова.

– Вот так лучше? – робко спросила Блейз. Ее сердце неудержимо билось, в животе что-то подрагивало, и хотя Блейз понимала, что муж не подозревает об этом, она смущенно отвела взгляд.

Как более опытный из них двоих, эрл сумел прийти в себя быстрее и рассмеялся, чтобы скрыть удивление.

– Гораздо лучше, мадам. Вы – способная ученица. Надеюсь, под моим опытным руководством вы достигнете больших успехов.

Слегка оправившись от смущения, Блейз ответила шуткой:

– По-моему, сэр, вы – настоящий мастер этого искусства.

Эдмунд взял ее за обе руки, поднес их к губам и поочередно поцеловал.

– Блейз, любить тебя совсем нетрудно.

Ее глаза расширились при этом комплименте, и Блейз молча подумала о том, что не решилась сказать вслух: и для меня, милорд, не составит труда полюбить вас.

– Знаю, ты устала, – произнес Эдмунд. – Позволь позвать Геарту, чтобы она помогла тебе лечь. – Он нежно коснулся губами ее щеки. – Выспись как следует, Блейз Уиндхем. – С этими словами он ушел.

Блейз почти с сожалением смотрела ему вслед, ибо она наслаждалась его обществом во время ужина, с удовольствием поддерживала разговор. Однако она вздохнула с облегчением, убедившись, что еще по крайней мере некоторое время останется девушкой.

Пока Блейз пребывала в смешанных чувствах в уединении своей спальни, ее супруг спустился по большой лестнице в зал. Там он обнаружил Энтони, вытянувшегося в кресле с гобеленовой обивкой у камина, с кубком лучшего рейнского в руке. Эдмунд наполнил свой кубок и присоединился к племяннику.

– А я думал, дядюшка, ты еще наверху – вкушаешь прелести этого лакомого кусочка, который я привез тебе, – томно усмехнулся Энтони.

– Многолетний опыт, племянничек, научил меня тому, что невозможно ни заставить лошадь войти в воду, ни силой подчинить женщину своей воле, – последовал сдержанный ответ.

– Она отказала тебе? – Энтони изумленно выпрямился. – Она же твоя жена! Ты – ее господин.

Эдмунд Уиндхем рассмеялся.

– Разве ты когда-нибудь видел, чтобы я силой подчинял себе женщину, Тони? Она молода, перепугана; она девственница. Несколько часов назад она еще не подозревала, как я выгляжу. Она хочет, чтобы я ухаживал за ней.

– Ухаживал?

– Вот именно.

– Но ведь вы уже женаты!

– Свадьба еще не означает, что мужчина должен перестать завоевывать расположение своей жены. С Блейз нам придется прожить до тех пор, пока смерть не разлучит нас, – а я надеюсь, это случится еще не скоро.

Каким будет начало, так пойдет и вся жизнь. Неужели я должен был отказаться от шанса стать счастливым ради удовлетворения минутной похоти? Боже упаси! Блейз попросила немного времени, чтобы узнать меня, и она права. Я намерен принять ее предложение. – И он отпил большой глоток.

– Не понимаю тебя, Эдмунд. Ты целый год носил траур по Кэти, за это время, насколько мне известно, ты ни разу не бывал близок с женщиной. Ты так стремился заполучить молодую жену, даже перенес день свадьбы, лишь бы успокоить своих слуг. И вот теперь, когда ты женат на этом прелестном создании, ты отказываешься исполнить супружеский долг – только потому, что это, видите ли, не устраивает ее! Такой снисходительностью ты только избалуешь Блейз и, чего доброго, заставишь ее поверить, что в этой семье бразды правления попали в ее руки!

– Ты не знаешь женщин, Тони. Блейз здесь, и это самое важное для моих людей. Когда мы ляжем с ней в постель – сегодня, или несколько недель спустя – имеет значение только для нас двоих. Ты никогда в жизни не заводил серьезных отношений с женщинами. И не понимаешь – с женой нельзя обходиться, как с уличной шлюхой. Блейз должна как следует познакомиться со мной, прежде чем она доверится мне. Она ни в чем мне не отказала, просто попросила понять ее.

– Черт побери! Эта малютка уже успела одурачить тебя! Но позволь предостеречь, Эдмунд: я видел твою жену с такой стороны, с какой, надеюсь, ты познакомишься еще не скоро. Для такой хрупкой девчонки у нее дьявольский нрав.

– Да, к этому я готов – большинство женщин отличаются вспыльчивостью. Скажи только, она показала коготки в тот момент, когда ты читал ей нотации о том, что ее долг – произвести на свет моего наследника? – Карие глаза Эдмунда заблестели от насмешки.

– Это она так говорила? – Энтони был изумлен.

– Вот именно. Она была возмущена: похоже, все вокруг изводили ее наставлениями о долге с тех пор, как была объявлена помолвка. Она готова принять такие наставления от родственников и своего духовника, но боюсь, с твоей стороны она сочла их неуместными. Хотел бы я видеть ее в гневе! – Эдмунд усмехнулся.

– Я уезжаю домой, – недовольно бросил Энтони. – Луна уже взошла, и полагаю, мне будет лучше поговорить с матерью еще сегодня. Ей не терпится узнать, что собой представляет моя новая тетушка.

– Передай Доро, что мы с Блейз получим благословение отца Мартина завтра, перед всеми людьми, в одиннадцать часов утра. Я хотел бы видеть в церкви твою мать. Скажи, а твой отец здоров? Он сможет приехать?

– Если только не пойдет дождь, с ним будет все в порядке, – отозвался Энтони. – Как досадно, что приближается зима! Мне больно вспоминать о том, как он страдал в прошлом году. Но он держится молодцом и почти не жалуется.

– Твой отец уже немолод, ему скоро исполнится шестьдесят, Тони, и он никогда не отличался хорошим здоровьем. Откровенно говоря, я удивлен, что он дожил до таких лет, – а все благодаря заботам Дороти, ибо она любила его всю жизнь. Именно такой любви я хочу для себя и Блейз – ты понимаешь?

Энтони Уиндхем поднялся.

– Да, Эдмунд, я постараюсь тебя понять.

– Теперь и тебе пора всерьез задуматься о женитьбе, Тони. Ты единственный наследник отца – в таком положении ты завидный жених.

– Сегодня я уже думал об этом, – последовал ответ. – Возможно, выберу какую-нибудь из сестер моей молодой тетушки – это целый выводок хорошеньких, резвых девчушек, породистых и сильных. Да, моему отцу было бы приятно перед смертью успеть покачать на коленях внуков.

Эрл тоже встал и, обняв племянника за плечи, проводил его до крыльца. Через несколько минут привели жеребца Энтони. Вскочив в седло, молодой человек

устремился на северо-запад, к дороге на Риверсайд. Эдмунд провожал его взглядом до тех пор, пока всадник не скрылся из виду, а затем еще долго стоял, наслаждаясь теплой сентябрьской ночью и любуясь луной. Вскоре ожидалось полнолуние. Наконец со вздохом он поднялся по ступеням крыльца, закрыл за собой дверь и отправился в спальню, где его ждало привычное, но одинокое ложе.

Глава 4

Целую минуту после пробуждения Блейз не могла понять, где находится, пока воспоминания о вчерашнем дне не нахлынули на нее. Она проснулась в собственной спальне, в имении Риверс-Эдж. Она вышла замуж и чудесно выспалась на самой удобной на свете кровати. Правда, было так странно занимать одной такое огромное ложе. Впервые за всю жизнь Блейз довелось спать в одиночестве. Она потянулась всем телом, до кончиков пальцев, и, повернув голову, обнаружила на девственно-белой подушке рядом с собой единственную алую розу со стеблем, свободно обернутым длинной бледно-голубой шелковой лентой, расшитой крошечными жемчужинами. Высвободив ленту, Блейз, к своему безграничному удивлению, обнаружила, что овальный сапфир в золотой оправе вделан точно посередине полосы голубого шелка.

Она не сдержала стоны восторга. Дома, в Эшби, она слышала о подобных вещах, но никогда не надеялась иметь их. Усевшись, Блейз укрепила ленту на голове по последней моде, а затем прыгнула с постели и подбежала к зеркалу. Восхищаясь, Блейз поворачивала голову направо и налево, глядя, как в сапфире загораются искры.

– Доброе утро!

Резко обернувшись, Блейз увидела, как ее муж вошел в дверь, соединяющую их спальни.

– Доброе утро, сэр, и огромное вам спасибо за подарки!

– Который из них тебе больше понравился? – с любопытством спросил Эдмунд.

Блейз на минуту задумалась, а затем со смехом объяснила:

– Сама не знаю. Я обожаю розы, и потом это так романтично – дарить даме цветы. Но я еще никогда не получала такого роскошного подарка, как эта лента. Боюсь, сэр, я слишком жадная – мне нравится и то, и другое!

– По-моему, жадность не в твоем характере, Блейз, – возразил Эдмунд. – Красивые вещи предназначены для красивых женщин. Я просто искупаю свою вину – в конце концов я так и не прислал тебе свадебного подарка.

– Никаких подарков! – воскликнула она. – Милорд, вы ведь и так позаботились о счастье моих семи сестер! Ни одна невеста еще не получала более щедрых даров! Этого более чем достаточно.

«Как она мила», – подумал эрл и, пройдя разделяющее их расстояние, обнял Блейз, привлекая к себе.

– Я хочу попросить у тебя кое-что взамен, Блейз, – сказал он.

Блейз решила, что ей нравятся объятия мужа, – в них было так спокойно и мирно. Бессознательно она потерлась щекой о бархат его стеганого халата.

– Что же вы хотите получить, милорд?

– Сущую безделицу – чтобы ты называла меня по имени, Блейз. С тех пор как ты прибыла сюда, ты зовешь меня только сэром да милордом.

– Не знаю, Эдмунд, удобно ли это, – ответила Блейз. – Мама говорила, что мне следует дождаться вашего позволения, прежде чем называть вас по имени. Она утверждает, что некоторые мужчины предпочитают, чтобы жены, обращаясь к ним, называли их сэр или милорд.

– Вчера ночью я долго лежал без сна, размышляя, как прозвучит мое имя из твоих уст, – произнес эрл.

– Какой изысканный комплимент, Эдмунд! Берегитесь, как бы не вскружить мне голову!

Он рассмеялся, радуясь ее живости и остроумию.

– Пора перейти к более серьезным и неотложным делам, – наконец вздохнул он. – Я пришел сообщить тебе, что мы примем благословение отца Мартина на ступенях церкви в одиннадцать часов утра. К этому времени придут моя сестра, Дороти, ее муж, Ричард, и Тони.

– Я готова повторить свои клятвы, милорд, – на этот раз мужу, а не его доверенному лицу. Отец Мартин позволит?

Эдмунд был безмерно польщен.

– Почему бы и нет? Я устрою повторение церемонии в церкви, в присутствии наших родных, а затем мы выйдем на крыльцо, чтобы получить благословение. Благословение необходимо: увидев его, все слуги будут довольны.

Поцеловав Блейз, он вышел. Явилась Геарта с подносом, на котором оказались теплый белый хлеб, масло, мед и графин сладкого, разбавленного водой вина.

– Этим утром службы не будет, так что можете позавтракать не торопясь, миледи.

После завтрака Блейз вымыла лицо и руки в тазу с ароматной водой и старательно вычистила зубы. Затем горничная с помощью нескольких молодых служанок принялась одевать госпожу в чудесное кремовое бархатное платье с вышивкой золотом и жемчугом. Постепенно служанки затихли и вытаращили глаза, пораженные красотой своей молодой госпожи.

– Я не прочь надеть новую ленту, – сказала Блейз, и Геарта укрепила ее на голове, посмеиваясь над любовью хозяйки к безделушкам.

Двойную нитку бледно-розовых жемчужин с коралловым медальоном-сердечком застегнули у нее на шее, жемчужные серьги вдели в уши. После того как длинные золотистые волосы Блейз были тщательно расчесаны, ее обули в туфельки в тон платью.

– А теперь посмотрите-ка на себя в зеркало, – произнесла Геарта, ведя Блейз по комнате. – Разве я не говорила, что вы красавица? – с гордостью добавила она.

Блейз в восхищении уставилась на собственное отражение. У ее матери было только маленькое, тусклое зеркало, но поскольку дома ее одежда не блистала роскошью, она никогда не чувствовала потребности полюбоваться собой. А теперь, увидев себя в этом великолепном свадебном платье, она была изумлена.

– У меня будут еще такие же платья? – спросила она Геарту.

– Его светлость заказал для вас полный гардероб, миледи, – десятки платьев и туфель, одни лучше других. Для вас готовы нижние юбки, белье, домашние платья и плащи – шерстяные, шелковые, меховые. Вы ни в чем не будете нуждаться – в конце концов вы графиня Лэнгфорд. Когда-нибудь его светлость пожелает представить вас ко двору.

Блейз застыла перед зеркалом, пораженная словами Геарты. Она стала богатой женщиной. После целой жизни, проведенной в сравнительной бедности – хотя семейство Морганов во многом не испытывало нужды, – она оказалась богата. У нее появились даже драгоценности! Внезапно рядом с ней в зеркале возник Эдмунд, и Блейз с улыбкой повернулась к нему. Ее муж был облачен в черный бархат, драгоценности украшали его камзол еще более щедро, чем вчерашнюю одежду.

– По-моему, милорд Эдмунд, мы составили красивую пару, – заметила Блейз.

– Да, – согласился он, – так оно и есть. Значит, у нас будут привлекательные сыновья и хорошенькие дочери.

Вспыхнув, Блейз отозвалась:

– Надеюсь, вы правы!

Вместе они спустились по лестнице и встретили у ее подножия мастера Энтони, леди весьма решительного вида и джентльмена с мягкой улыбкой.

– Дороти! – воскликнул эрл и поцеловал женщину в обе накумяненные щеки. Затем, отступив, добавил: – Позволь представить тебе мою жену, леди Блейз Уиндхем, графиню Лэнгфорд. Блейз, это моя сестра, Дороти.

Блейз вежливо присела перед леди Уиндхем, хотя в сущности, это женщине следовало приседать перед ней, поскольку та не имела титула. Скромность Блейз польстила ее золовке.

– Хорошенькая девчушка, – пробормотала леди, – но и Кэтрин была недурна. Вы сможете подарить этой семье сыновей, Блейз Уиндхем? – спросила она.

– Надеюсь, да, мадам, – ответила Блейз, быстро разобравшись, что Дороти Уиндхем сурова только на вид.

Удовлетворенно кивнув, Дороти повернулась к мужчине и представила его:

– Мой муж, лорд Ричард.

– Рада познакомиться с вами, сэра, – произнесла Блейз, приседая перед ним.

– И я тоже очень рад, дорогая, – последовал ответ. Ричард Уиндхем приятно заулыбался. – Вы – чудесное прибавление в семействе, миледи Блейз. – С этими словами он поцеловал ей руку.

– Я прибыла бы сюда еще раньше, если бы знала, как галантны мужчины этой семьи, – отозвалась Блейз, блеснув фиалковыми глазами.

– Даже я? – невинным тоном осведомился Энтони.

– А вот насчет вас мне следует подумать, сэра, – мгновенно нашлась с ответом Блейз.

– Не раздражай свою тетю, Тони, – предупредила его мать. – Тебе нужна жена, а у нее есть сестры, которые могут составить достойную партию.

Блейз была ошеломлена. Лорд Энтони собирается жениться на одной из ее сестер? На которой же? Разумеется, не на милой Блайт, а Блисс метит гораздо

выше – она слишком тщеславна. Неужели на Дилайт? Смешливой малышке Дилайт? Казалось, это единственный выбор, если только лорд не желает ждать пять лет, когда подрастут Ларк и Линнет.

– Идем, дорогая, – мягко напомнил Эдмунд, прерывая разговор и взяв жену под руку. – Нам уже пора быть в церкви.

У двери их ждал экипаж, ибо церковь находилась у дороги между деревнями Уэйтон и Майклсчерч. Уиндхемы из имения Риверсайд прибыли в собственном экипаже, который, как объяснил Эдмунд жене, леди Дороти считала удобным для себя, но в действительности экипаж был нужен скорее ее мужу, Ричарду, поскольку он с каждым годом хворал все сильнее. Он уже давно не мог ездить верхом.

– У них нет других детей, кроме лорда Энтони? – с любопытством расспрашивала Блейз.

– У Энтони было два младших брата, Ричард и Эдмунд, и сестра Мэри. Ему едва минуло шесть лет, а мне – десять, когда в Риверс-Эдже началась эпидемия, и остальные дети погибли. Мэри было всего четыре месяца от роду, а мальчикам – два и четыре года. Никто так и не понял, почему уцелели мы вдвоем, ибо перенесли болезнь так же тяжело, как остальные малыши. После этого у моей сестры больше не было детей. Она сильно горевала – она любит детей.

– Бедняжка... – пробормотала Блейз.

– Но она будет радоваться внукам, если мы сможем женить моего беззаботного племянника.

– Почему же он до сих пор не женат?

– Не знаю точно – впрочем, идея женитьбы никогда его не прельщала. Мы с Кэти поженились через день после моего шестнадцатилетия.

– Когда ваш день рождения? – спросила Блейз. – Я еще так мало знаю о вас.

– Двадцать восьмого августа. Совсем недавно я отметил свое тридцатипятилетие.

– А мне тридцатого ноября исполнится шестнадцать, – сообщила Блейз. – Вы с леди Кэтрин были женаты уже три года, когда я родилась.

– И тем не менее, несмотря на свои преклонные годы, обещаю тебе, Блейз: как только мы будем близки, я не просто стану исполнять свой долг. – Простодушное замечание Блейз о том, что он годится ей в отцы, уязвило Эдмунда.

– О сэр! – Она покраснела и рассмеялась.

Экипаж остановился перед церковью, и лакеи поспешили опустить подножку, чтобы эрл и графиня могли выйти.

– Это церковь святого Михаила, вот почему сначала я предполагал, что наша свадьба состоится в день этого святого, в конце месяца, – объяснил Эдмунд, помогая жене выйти из экипажа и подводя ее к церкви.

Высокий седовласый священник в белой с золотом ризе ждал их.

– Добро пожаловать, дитя! – поприветствовал он Блейз. – Я – отец Мартин. Если пожелаешь, я стану твоим духовником.

Священник провел их к высокому алтарю церкви, где позволил повторно обменяться клятвами, которые Блейз днем раньше произносила, стоя рядом с доверенным лицом мужа. Она считала, что Эдмунду стоит услышать эти слова, была уверена, что это поможет ему по-настоящему почувствовать себя мужем. Пока священник произносил молитву, Блейз исподтишка оглядывала церковь. Она еще никогда не видывала такой богатой церкви. В высоких изогнутых вверху окнах красовались разноцветные витражи с изображением фигур апостолов и ангелов. Блейз еще не доводилось видеть таких окон, а свечи на алтаре оказались позолоченными.

В передней части церкви помещалось несколько статуй, искусно вырезанных из камня и дерева, инкрустированных драгоценными камнями и мастерски расписанных, в том числе и превосходная статуя воинственного святого

Михаила, сжимающего золотой меч. Эдмунд слегка пожал Блейз руку. Она виновато взглянула на него, но эрл заговорщически подмигнул ей. Да, в очередной раз поняла Блейз, она сумеет с легкостью полюбить этого человека.

– А теперь, – провозгласил отец Мартин, завершая краткую церемонию, – новобрачные должны появиться на ступенях перед церковью, дабы получить благословение.

Когда они вышли из церкви, Блейз увидела, что весь двор и дорога за ним переполнены людьми. Завидев эрла и его жену, толпа разразилась приветствиями. Отец Мартин с улыбкой поднял руку, заставляя прихожан замолчать, и вскоре крики стихли – слышались лишь шорох ветра и щебет птиц. Блейз и Эдмунд опустились на колени перед священником на каменные ступени церкви, и отец Мартин благословил их зычным голосом, доносящимся даже до самых отдаленных зрителей. Когда он снял ладони с голов новобрачных и они повернулись лицом к людям, еще более громкие и радостные возгласы понеслись над толпой.

– Да благословит Господь графиню! Долгих лет и наследников для Лэнгфорда! – слышалось громче всего.

Эрл и графиня уселись в экипаж и, сопровождаемые толпой, вернулись к Риверс-Эджу, где в садах у дома должно было состояться всеобщее пиршество.

– Я объявил этот день праздничным, – объяснил Эдмунд.

Блейз ответила мужу улыбкой.

– Как бы я хотела, чтобы рядом со мной сегодня были родные! – задумчиво произнесла она.

Эдмунд взял ее ладонь, перевернул ее и поцеловал в запястье.

– Обещаю, они приедут, как только ты освоишься здесь. – Его глаза ласкали ее, и Блейз решила, что ей нравится волнение, которое она испытывает под взглядом Эдмунда.

На лужайке Риверс-Эджа был устроен навес для гостей. Телячьи, олени, бараньи туши целиком жарились на открытых кострах у берега реки. На столах возвышались горы булок, круги золотистого сыра, плетеные корзины, доверху наполненные яблоками и грушами. Гости откупоривали фляги с сидром и элем. На десерт был припасен огромный свадебный пирог.

На помосте под навесом подавали более изысканные и тонкие яства, а также крепкое вино. Новобрачные сидели, окруженные родственниками и гостями – в основном дворянами, живущими по соседству, хотя никто из них не обладал таким высоким титулом, как Эдмунд Уиндхем, кроме Оуэна Фицхага, эрла Марвудского.

Лорд Фицхаг бесцеремонно оглядел Блейз и выпалил:

– Черт побери, Эдмунд, где это ты добыл такую красавицу? – Он усмехнулся и склонился над ладонью Блейз. – Мадам, если у вас есть сестра, не менее прелестная, чем вы, смею заметить, что мне нужна жена. Несносная болтушка, с которой я был обручен с самого рождения, умерла от оспы.

– У меня семь сестер, милорд, – отозвалась Блейз с самым серьезным видом. – Если вы выскажете свои пожелания, надеюсь, мой отец сумеет удовлетворить их. Какую жену вы хотели бы иметь – блондинку или темноволосую? Среди нас есть даже сестра с рыжеватыми локонами, но увы, ей всего пять лет. Гленну вам придется дожидаться не менее восьми лет. Все мои сестры крепки здоровьем – что касается потомства, наша мать не знает себе равных. Кроме того, никто из нас не страдает близорукостью.

Оуэн Фицхаг взорвался от хохота.

– Скажите, мадам, – сумел выговорить он между приступами смеха, – у всех ли ваших сестер язычок подвешен так же хорошо, как у вас?

Блейз притворно нахмурилась.

– Кстати, Оуэн, – вмешался Энтони, – младшие сестры моей тетушки действительно прелестны, и трое из них уже достигли брачного возраста. Я сам готов взять в жены одну из них. Что скажете об этом, тетушка? Едва вы успели выйти замуж, а следом за вами еще сразу две ваши сестры. Брак с моим дядей

уже дал вам немало преимуществ.

– По-моему, милорд Фицхаг, вы сможете стать самым достойным мужем для одной из моих сестер, если вы серьезны в своих намерениях. А что касается вас, племянник, вы слишком много пьете и чересчур много болтаете о том, что вас не касается, – резко заключила Блейз.

Леди Дороти рассмеялась.

– Вот единственная хорошенькая женщина, которую не прельстила твоя внешность, Тони! Если ее сестры так же рассудительны, я была бы рада видеть одну из них своей снохой. – Потянувшись, она потрепала Блейз по руке. – Вы нравитесь мне, Блейз Уиндхем! – откровенно призналась она.

– Тише, тише, дорогая, – упрекнул Эдмунд жену. – Ты слишком болезненно воспринимаешь насмешки Тони. Если ты не перестанешь доставлять ему такое удовольствие, он вообще изведет тебя.

– Ни за что не дам ему этой возможности! – возразила Блейз.

– Вот и хорошо, – кивнул Эдмунд, – ибо я предпочел бы наслаждаться тобой в одиночку. – Он нежно пожал руку Блейз под столом.

Блейз взглянула на него из-под густых ресниц и, уловив пристальный взгляд мужа, залилась румянцем.

Деревенские дети весело резвились на лужайках. В смущении Блейз загляделась на них. Рядом с ее ухом прозвучал тихий смешок мужа, и интимность этого звука заставила ее вздрогнуть. Почувствовав, как участилось ее дыхание, Блейз опасалась, что она лишится чувств. Только что прибыла труппа пестро разодетых бродячих танцоров – прослышав о свадебном пиршестве, они попросили у эрла позволения развлечь гостей. Поскольку считалось, что танцоры, исполняющие моррис, приносят удачу, им был оказан теплый прием.

День выдался солнечным и даже жарким для середины сентября. Танцоры в своих одеяниях из ярких лент с позванивающими колокольчиками грациозно

двигались по траве, воскрешая древний танец. Когда они закончили представление, их пригласили присоединиться к гостям, а эрл одарил старшего из них пригоршней серебряных монет. Местные музыканты заиграли на трубах, бубнах и барабанах. Энтони Уиндхем и Оуэн Фицхаг пустились в пляс с хорошенькими деревенскими девушками. К концу дня фляжки опустели, солнце медленно спускалось за холмы, и праздник понемногу стал затихать. Шутливый обряд «проводжания в постель» был отменен – к великому разочарованию большинства гостей.

– По-моему, это вообще нелепый обычай, – заметила леди Дороти. – Помню, когда я вышла замуж за Ричарда, я вконец растерялась от смущения. Вам еще повезло, Блейз. Скажите, вы будете проводить Рождество здесь, в Риверс-Эдже? Кэтрин всегда устраивала великолепные рождественские балы – на все двенадцать дней рождественских праздников.

– Мне очень хотелось бы последовать ее примеру, мадам, – робко ответила Блейз, – но вы должны рассказать мне, как это делалось, ибо мне еще не приходилось управляться с таким большим домом. Боюсь, наши простые обычаи Эшби не подойдут для такого великолепного имения, где мне посчастливилось стать хозяйкой.

– Блейз Уиндхем, я буду только рада давать вам советы, но не сомневаюсь, не пройдет и года, как они вам не понадобятся. Однако с удовольствием помогу вам сейчас. Большинство обычаев здесь сохранились неизменными со времен моего детства. Риверс-Эдж – большой дом. Должно быть, вы пожелаете пригласить своих родственников на двенадцать дней. – Леди Дороти буквально сияла от удовольствия, услышав просьбу о помощи от молодой жены брата.

– Отличная затея, – одобрил Эдмунд несколько минут спустя, когда его сестра с семьей отправилась домой.

– Мне не обойтись без ее помощи, – откровенно призналась Блейз. – Мне бы не хотелось нарушать обычаи, которые существовали в Риверс-Эдже задолго до моего приезда.

– Что ты за чудо, Блейз! В тебе сочетаются и очаровательная невинность, и мудрость не по возрасту.

– Вы льстите мне, милорд, я всего лишь обладаю толикой здравого смысла, и ничего более.

Эдмунд улыбнулся ее скромности.

– Тебе понравились наши соседи? – спросил он.

– Очень! Эрл Марвудский и вправду подыскивает себе невесту или он просто хотел польстить мне?

– Нет, он сказал правду: в течение двенадцати лет он был помолвлен с девушкой, которую выбрали его покойные родители. Прошлой весной она умерла.

– Сможет ли он стать достойной партией для одной из моих сестер?

– Несомненно! Ему всего двадцать пять лет, он – обладатель древнего титула, хотя и его поместье, и состояние невелики. Приданого, которое я назначил каждой из твоих сестер, будет более чем достаточно для такого брака. Ты уже подумала, кто может стать его невестой?

– Я еще слишком мало знаю его, чтобы сделать выбор, но думаю, подойдут Блисс или Блайт. Вы позволите пригласить Оуэна Фицхага на двенадцать дней, милорд?

– Разумеется, он будет только рад. У него не осталось родственников, и ему сейчас живется одиноко. Правда, он редко бывает в имении, чаще его можно увидеть при дворе.

– Странно, что он до сих пор не нашел жену среди придворных дам, – удивилась Блейз.

– Моя воплощенная невинность, при дворе есть немало женщин. Но даже если они свободны, они не относятся к тем, которых мужчины берут в жены. Однако тебе не следует знать об этом.

Проходили дни, сливаясь в недели. Стояла непривычно теплая золотая осень. Блейз объезжала владения супруга и уже в который раз изумлялась, как же они обширны. Эрл Лэнгфордский владел бесчисленными стадами овец и коров. Его сады простирались, насколько хватало взгляда. Неподалеку от дома раскинулся огромный лес – королевским повелением семейству Уиндхем разрешалось охотиться там. Эрлу принадлежало девять деревень, в том числе и те две, через которые Блейз проезжала в день свадьбы. Более остро, чем когда-либо прежде, она осознала свой долг подарить мужу наследника. Никогда в жизни она и не предполагала, что такое богатство может принадлежать одному человеку.

Эдмунд Уиндхем ухаживал за молодой женой с изысканностью, на которую способен лишь мужчина с большим жизненным опытом. Не проходило ни единого утра, чтобы, открыв глаза, она не находила рядом на подушке какую-нибудь безделушку или другое свидетельство его любви. Несмотря на то что управление поместьем отнимало много времени, Эдмунд часто откладывал в сторону дела, чтобы побыть с Блейз.

Вскоре он обнаружил, что его женой стала сообразительная девушка с пытливым умом, готовая перенимать все, чему он только мог ее научить. Она умела читать и писать, ее обучили арифметике и церковной латыни – ничего подобного эрл не ожидал от девушки, выросшей в такой тихой заводи, как Эшби. Мало того, Блейз умела играть на маленькой лютне, у нее оказался чистый и высокий голос. Выяснив, что у Блейз есть способности к языкам, эрл начал расширять ее познания в латыни и еще добавил к ней греческий и французский.

Их жизнь отличалась приятной неспешностью, каждый день заканчивался у камина в гостиной Блейз. Вытянувшись на ковре перед жарким пламенем, Эдмунд рассказывал жене историю страны в виде притч и сказок. Об истории Блейз имела весьма смутное представление, и ей нравилось слушать низкий голос мужа, повествующего о королях и королевах, рыцарях и прекрасных дамах, битвах в Англии, Франции и в Святой земле, о придворных церемониях и турнирах.

Больше всего ее привлекали рассказы о правящей Англией династии Тюдоров. Она любила историю о том, как стали супругами принцесса Елизавета Йоркская и Генрих Ланкастерский, таким образом положив конец войне Алой и Белой розы, после чего в Англии вновь воцарились мир и спокойствие. Блейз плакала от жалости к бедной королеве Екатерине, жене нынешнего короля, которая сумела произвести на свет всего одного живого ребенка, принцессу Мэри. И

теперь ходили слухи, что после долгих лет брака король решил расстаться с женой.

– Но разве такое возможно? – однажды вечером спросила Блейз у Эдмунда.

– Такое уже случалось, – напомнил ей муж.

– Но ведь она – его жена перед Богом и людьми, милорд!

– Генрих – король Англии, Блейз, и у него должен быть сын. А Екатерина Арагонская, по всей видимости, не в состоянии родить здорового сына и, если слухи верны, вообще больше не сможет рожать. С благословения церкви другие христианские королевы отрекались от власти, некоторые даже уходили в монастырь. Другие просто удалялись от двора, и за такое бескорыстие и муж, и весь народ относились к ним с почтением.

По-моему, наша королева – гордая и упрямая женщина. Король Генрих напрасно женился на ней. Она была вдовой его брата, и если бы не алчность старого короля, которому не терпелось завладеть ее приданым, она давным-давно вернулась бы в свою Испанию. Старый король Генрих, отец нашего нынешнего короля, в свое время скопил несметные богатства. Когда принц Артур умер, была уплачена только половина приданого Екатерины Арагонской. Старый король надеялся заполучить другую половину, выдав вдову за младшего сына, нашего короля Генриха.

Но король Испании Фердинанд оказался не менее жадным, чем наш старый король. Он считал, что английский принц уже отведал вкус женщины и способен обойтись без всего приданого. Он не видел смысла выполнять условия сделки и платить полностью. К тому же англичане не угрожали вернуть Екатерину домой и даже объявили о ее помолвке с юным Генрихом – несмотря на то что он младше ее на целых шесть лет.

Старый король упрямо настаивал на выплате приданого, заявляя, что в противном случае готов отправить Екатерину обратно в Испанию и обручить своего наследника с французской принцессой. В конце концов приданое от Испании предназначалось для принца Артура и принцессы Екатерины, а вовсе не для Генриха.

– Разве королям чужда нравственность, сэр? Забрать приданое, а затем вернуть принцессу отцу – это поистине ужасно! – воскликнула Блейз.

– Нравственность королей обычно служит их желаниям, дорогая, – с улыбкой объяснил Эдмунд, довольный рассудительностью жены. У него возникла мысль, что неплохо было бы заняться с ней изучением логики.

– Но если отец не хотел, чтобы король Генрих женился на испанской принцессе, зачем же он так поступил? – допытывалась Блейз.

– Вполне вероятно, старый король не поделился своими замыслами с Генрихом. Видишь ли, Блейз, смерть принца Артура стала для него полной неожиданностью. Старший сын был его отрадой и гордостью – как и для королевы Елизаветы. Она умерла год спустя, и кое-кто поговаривал, что ее убило горе. Старый король так и не сумел оправиться после смерти родных. Обычно он не уделял внимания младшему сыну, которого готовили в священнослужители, и предпочитал держать бразды правления в своих руках.

Только на смертном одре Генрих понял, что король Фердинанд перехитрил его. Остаток приданого так и не был выплачен. Если бы король протянул подольше, я уверен, он все же отправил бы домой испанскую принцессу. Но, увы, старый король умер прежде, чем сумел исправить собственную оплошность. Молодому королю, нашему королю Генриху, к тому времени исполнилось восемнадцать лет, он был (да и теперь остается) высоким, привлекательным мужчиной. А испанская принцесса, хрупкая женщина, славилась своими золотисто-рыжеватыми волосами и хорошеньким юным личиком. Король давно восхищался ею – впрочем, он был не столько влюблен в Екатерину, сколько в саму любовь. И прежде чем кто-либо смог переубедить его, Генрих женился.

Кое-кто считает, что рождение у королевы мертвых детей и смерть двух мальчиков, родившихся живыми, – Божья кара королю за то, что он осмелился жениться на вдове брата. Я предпочитаю не делать подобных выводов, но уверен – королева должна смириться и позволить королю вступить в другой брак. Всею виной ее болезни, а не дееспособность короля. Это всем ясно.

– В самом деле, милорд? Как же так? И король, и королева отвечают за зачатие ребенка. Зачем же возлагать всю вину на бедняжку королеву?

– Нет, Блейз, в этом случае виновата именно королева, поскольку у короля уже есть здоровый сын от другой женщины.

– Но если он женат на королеве, как такое возможно? – искренне изумилась Блейз.

Минуту Эдмунд Уиндхем не мог оправиться от глубочайшего изумления. Он знал, что Блейз невинна, но никогда не подозревал, что ее наивность простирается так далеко.

– Мужчины, – наконец нерешительно начал он, – даже женатые мужчины, иногда находят развлечение и утешение в постелях других женщин, а не своих жен, Блейз. Когда мужчина особенно верен какой-либо женщине, на которой он не женат, ее называют любовницей.

– А у вас когда-нибудь была любовница? – бесхитростно поинтересовалась Блейз.

– Никогда.

– Значит, вы никогда не занимались любовью с другой женщиной, кроме первой жены?

– Этого я не говорил, дорогая, – еле сдерживая смех, возразил эрл. Взяв Блейз за руку, он придвинул ее поближе. – Для жены ты задаешь слишком много вопросов, – поддразнил он, и его глаза потеплели. Блейз непонимающе нахмурилась.

Она чувствовала, как участилось ее дыхание. Сердце пропустило несколько положенных ударов, в животе возникал и вновь исчезал тугой клубок. Муж коснулся губами ее губ, и рот Блейз смягчился от его прикосновения. Поцелуи Эдмунда до сих пор завораживали ее – несмотря на то что они целовались уже несколько недель.

Он положил Блейз на ковер, и, взглянув на него снизу вверх, Блейз ухитрилась выговорить:

– Но как же я буду учиться, если перестану задавать вопросы, милорд?

Он нежно провел пальцем по припухшим от поцелуя губам.

– Я научу тебя всему, что ты должна знать, дорогая. Но за последние недели я уделял столько внимания греческому, французскому и истории, что пренебрег гораздо более приятной частью твоего образования, – его гибкие пальцы быстро расстегивали шесть маленьких перламутровых пуговиц, сбегаящих по бледно-голубому шелковому платью от выреза до пояса. Эдмунд обнял Блейз за плечи и ловко просунул ладонь под шелковую ткань, впервые касаясь ее груди.

Блейз задохнулась и на мгновение решила, что сердце вот-вот разорвется в ее груди. К собственному удивлению, она обнаружила, что ничуть не боится, – в сущности, прикосновение мужской ладони доставляло ей удовольствие. С тихим стоном она прижалась к его руке, чувствуя, как от этого движения напрягся сосок, ощущая загрубелую кожу ладони. Это действие исторгло из уст Эдмунда стон раненого зверя, и не в силах сдержаться, он разорвал тонкую ткань платья, до пояса обнажая тело Блейз.

– Эдмунд!

На мгновение он потерял рассудок. Он покрывал поцелуями нежную и чувствительную плоть упругой девственной груди, впитывая свежесть ее кожи и тонкий, ни с чем не сравнимый аромат. Казалось, он не в силах насытить глубокое и страстное желание, овладевшее им.

Треск шелка и прикосновение его теплых губ к коже вызвали в душе Блейз неудержимый вихрь чувств. Какой-то глубинный плотский инстинкт подсказывал ей – это желание. Муж возжелал ее. Если бы только он и любил ее – хоть немного, с печалью подумала Блейз. Если бы им не руководило только желание иметь наследника! Он обхватил губами ее сосок и крепко сжал его. Это прикосновение заставило Блейз слабо вскрикнуть.

– Эдмунд! О милорд! – Она забилась, пытаясь избежать пугающей страсти, с которой он впивался губами в ее чувственную плоть.

Он хотел ее! Господи, как он ее хотел! Эдмунду не терпелось сорвать с жены все остатки шелкового платья, хотелось накрыть ее своим телом и глубоко вонзить в

нее свое копье. От вожделения у него застучало в висках, но тон нежного голоса Блейз достиг его сознания, даже если это не удалось словам. О Господи! Она приходилась ему женой, принадлежала ему по праву, но по-прежнему оставалась девственницей. Ему не следовало разрушать хрупкие и чудесные отношения, которые они терпеливо строили последние два месяца.

Эдмунд нехотя оторвался от ее груди и увидел на лице Блейз полуиспуганное и вопросительное выражение.

– О Блейз, прости, если я напугал тебя, – виновато произнес он, – но ты должна знать: ты – непреодолимое искушение. Я просто не смог сдержаться.

– Еще минуту назад я даже не подозревала, что вы желаете меня, милорд, – задыхаясь, ответила она. – Мне вовсе не было неприятно, Эдмунд, по-моему, это величайшее из наслаждений.

– Может быть, – с надеждой подхватил он, – ты уже готова стать моей женой в полном смысле слова?

На кратчайший миг страх промелькнул в ее огромных глазах.

– Еще нет, – прошептала она, – прошу вас, подождите еще немного, милорд!

Осторожно поцеловав ее в дрожащие губы, он скользнул ладонью по ее груди.

– Но только до тех пор, пока и ты не почувствуешь влечения, дорогая. Я хочу, чтобы ты мечтала проникнуть в тайны любви, а не боялась ее.

Потянувшись, она провела пальцами по его лицу в трепетной ласке.

– Мне кажется, я скоро полюблю вас, милорд, – прошептала она, и на краткую секунду их глаза встретились, а затем Блейз покраснела и робко отвернулась.

В последующие дни эрл уже без смущения заключал жену в страстные объятия, давая волю рукам, и Блейз только поощряла его. Впервые они легли в постель вдвоем, хотя и были полностью одеты. Ласки и поцелуи мужа опьяняли Блейз подобно крепкому вину. Поймав ее маленькую ладонь, муж сунул ее себе под

камзол, и Блейз впервые ощутила его твердость. Она робко сомкнула пальцы вокруг его мужского достоинства. Когда Эдмунд почувствовал, что ее страх исчез, он попросил ласкать его.

– Это доставляет вам удовольствие? – спросила она.

Он кивнул. Желание затуманило его глаза.

На следующее утро, охотясь в лесу в обществе племянника, эрл пребывал в подавленном настроении.

– Похоже, ты так и не прорвался сквозь девственные стены, – потешался над ним Тони. – Если это не произойдет в самом ближайшем времени, я начну опасаться за твой рассудок. Невозможно родить наследника, не выполняя супружеских обязанностей. Ума не приложу, как тебе удастся сдерживаться и не овладеть этой маленькой плутовкой.

Эдмунд хмуро взглянул на племянника.

– Неужели тебе настолько надоели деревенские девчонки, Тони, что тебя беспокоит положение дел в моей семье?

– Ага, так я прав, ты до сих пор не сумел сорвать ее цветок! – расхохотался Энтони Уиндхем. – Твой меч наготове, но ее ножны пока закрыты. Возьми ее и покончи с этим, Эдмунд. Она выставляет тебя на посмешище! Ты же ее муж и повелитель. Ее желания не имеют ни малейшего значения!

– Нет, дорогой, если кто из нас и глуп, так это ты! Немедленно прекрати насмехаться, ибо я не желаю обсуждать свою частную жизнь с невежественным юнцом!

Энтони насмешливо закатил глаза, но придержал язык. Еще никогда он не видел Эдмунда в таком гневе. Неужели его дядя влюбился в свою жену? Эта мысль почему-то встревожила Энтони, хотя он и не понимал почему. Когда Эдмунд пришпорил коня, пуская его вперед, Энтони последовал за ним в глубь леса. Стояло непривычно теплое для конца ноября утро, и он уже чувствовал, как струйка пота сбегает по шее. Он расстегнул ворот рубашки.

Они провели на охоте почти целый день, и хотя собакам удалось вспугнуть нескольких кроликов и птиц, олень им так и не попался. Наконец ближе к вечеру они выехали из леса у развилки дорог, в том месте, откуда расстояние было равным и до Риверс-Эджа, и до Риверсайда.

– Так ты не пригласишь меня поужинать? – поддразнил Тони.

– Нет, не приглашу, – последовал резкий ответ. Отдаленный раскат грома, казалось, подчеркнул слова эрла, когда он развернул жеребца и рысью пустился прочь в сопровождении слуг и собак, оставив изумленного племянника в полном одиночестве посреди дороги.

Глава 5

Блейз с детства боялась грозы. Она постаралась скрыть беспокойство, с облегчением вздохнув при виде вернувшегося мужа. Эдмунд не подозревал о ее чувствах, ибо Блейз приложила немало усилий, дабы утаить то, что считала ребяческим страхом. Осень выдалась сухой, дожди если и начинались, то вскоре заканчивались. Но сегодня удушливая жара, казалось, разбудила последовавшую за ней грозу.

Отдаленные раскаты нарастали, приближаясь к Риверс-Эджу. Небо над холмами потемнело, его то и дело прорезали вспышки молний. За ужином Блейз выглядела подавленной, а Эдмунд ел в задумчивости, не замечая ее тревоги. В этот вечер он был не расположен к бесплодным поцелуям и объятиям. Насмешки Тони уязвили его больше, чем он соглашался признать. Впервые после смерти первой жены ему в голову пришла мысль о том, что неплохо было бы навестить какую-нибудь из бойких служанок. Он оглядел комнату, и его глаза вспыхнули при виде грудастой горничной, подкладывающей поленья в камин. Но тут же Эдмунд подозрительно прищурил свои карие глаза. Как веселился бы сейчас Тони! Надо как следует подумать, прежде чем окончательно выставить себя на посмеище.

– Отправляйся спать, дорогая, – приказал он удивленной Блейз.

Она послушно поднялась и, присев, покинула зал на дрожащих ногах. Почему именно сегодня он предпочел оставить ее в полном одиночестве? Конечно, ее страх нелеп, но сегодня ночью она была готова справиться с ним любой ценой. Исполнившись решимости, она направилась наверх, к себе в комнату.

– Приготовьте ванну, – приказала она Геарте и ее помощникам.

– Задернуть шторы, миледи? – спросила горничная.

После минутного замешательства Блейз отказалась.

– Не надо. Я хочу видеть, как приближается гроза.

Пока она мылась в горячей, источающей аромат фиалок воде, небо почернело, его то и дело прорезали молнии, а за ними неизменно следовали раскаты грома.

Молоденькие служанки нервно сустились в комнате, готовя постель для хозяйки, раскладывая бледно-розовую шелковую ночную рубашку и такой же чепец, отделанный лентами, подправляли дрова в камине, чтобы внезапный порыв ветра не сделал пламя неуправляемым.

Геарта помогла Блейз выбраться из ванны и поспешно растерла ее полотенцем. Шелковая ткань ночной рубашки скользнула ей на плечи и бесшумно упала к ногам. Горничная любовно расчесывала длинные золотистые волосы хозяйки, пока служанки выносили ванну из спальни в гостиную, где ждали лакеи, чтобы забрать ее.

Геарта завязала ленты чепца под подбородком Блейз и помогла ей забраться в постель.

– Хотите, я или кто-нибудь из девушек останемся с вами, миледи? Гроза разбушевалась, и, похоже, ночью станет еще сильнее.

– Нет, – ответила Блейз, изображая храбрость, которой вовсе не ощущала. – Гроза меня не тревожит. Спокойной ночи, Геарта!

Геарта присела и, в последний раз оправив одеяло, торопливо вышла из комнаты, сказав на прощание:

– Спите спокойно, миледи!

Блейз и не надеялась заснуть под этот грохот и вспышки за окном. Она зарылась поглубже в постель, жалея, что не попросила служанок задернуть шторы. Тогда ей пришлось бы выслушивать только гром. Ветер застонал и завыл на все лады у самого дома. Яростный порыв пробился в дымоход и принялся дразнить огонь, который тут же заплясал, отбрасывая причудливые и страшные тени на стены комнаты. Блейз задрожала, припомнив вдруг бесчисленные рассказы старой Ады о привидениях и духах, которые появляются во время гроз, подобных этой.

– Ни за что не буду бояться, – пообещала она сама себе и немного успокоилась от звуков собственного голоса.

Ночь становилась все чернее, гроза постепенно достигала пика – пока весь дом не оказался словно посреди урагана. Все благие намерения Блейз улетучились под рев грома, от которого дом содрогался до основания. Грому помог зловещий треск молнии, ударившей в один из дымоходов на крыше прямо над комнатой Блейз, отчего осколки кирпича покатались вниз по крыше и пролетели мимо окон.

Блейз в ужасе закричала, испытывая поминутные приливы острого, непреодолимого ужаса. Несмотря на шум грозы, ее испуганные крики разнеслись по всему верхнему этажу дома. Почти немедленно дверь между спальней Блейз и комнатой ее мужа распахнулась, и через порог шагнул эрл.

– Блейз, что с тобой, дорогая? Кто напугал тебя? Тебе приснился дурной сон? – Эдмунд мигом очутился у постели и схватил ее в объятия. От сладкого аромата масла для ванны желание мгновенно охватило его.

– Гроза! Н-н-ненавижу грозы! – жалко всхлипнула Блейз, зарывшись лицом в его ночную рубашку, ибо ему не хватило времени набросить халат.

– Почему же ты не попросила кого-нибудь из горничных остаться с тобой? – резонно спросил он.

– Но ведь... только дети боятся грозы! – Блейз отчаянно зарыдала, содрогаясь всем телом, едва над головой вновь загрохотал гром. – Не хочу, чтобы вы считали меня трусихой, увидев, что я боюсь какой-то жалкой грозы!

Жалкой грозы? Он рассмеялся бы, если бы ужас Блейз не был столь реальным. Гроза была и правда чудовищной, подобной эрлу еще не доводилось видеть. Горячие слезы Блейз пропитывали его рубашку. Она неудержимо дрожала. Едва Эдмунд протянул руку, чтобы пригладить медово-золотистые волосы, как за окнами вновь загрохотало.

– Хочешь, я побуду с тобой? – спросил он, думая при этом, что Блейз – самая восхитительная из женщин, каких ему случалось держать в объятиях.

– Да, милорд.

Он осторожно положил ее на пуховые подушки и взглянул ей в лицо. Ее глаза в эту минуту напоминали омытые дождем фиалки, губы соблазнительно подрагивали.

– Блейз, я не могу поручиться за себя – ты меня понимаешь? Я должен быть совершенно откровенен с тобой, дорогая. – Он серьезно взглянул на нее.

Блейз испуганно прикусила нижнюю губу, и ее маленькие, ровные белые зубки впились в розовую плоть.

– Вы хотели бы заняться со мной любовью? – еле слышно проговорила она.

Улыбка заиграла в уголках губ эрла.

– В таком случае ты мгновенно забыла бы про грозу, – ответил он. – Но если хочешь, я оставлю тебя, дорогая.

Блейз задумалась, но в это время еще один яростный раскат грома потряс окна и заставил ее вновь броситься на грудь мужу. Блейз в отчаянии прижалась к нему грудью, и в этот миг все благие намерения Эдмунда Уиндхема бесследно исчезли. В конце концов он был простым смертным, а не героем рыцарем из романа. Блейз – его жена, и он всей душой желал ее. Тони прав – она

принадлежит ему! Он овладеет ею и покончит с этим вздором! Он сорвал с себя рубашку и запустил пальцы в ее волосы, запрокидывая голову Блейз и впиваясь губами в ее рот.

Его страсть изумила Блейз. Они целовали и обнимали друг друга уже много недель подряд, но таких поцелуев между ними еще не случалось. Это был требовательный поцелуй, он обжигал ее нежные губы, заставлял их приоткрыться. Его язык проникал в ароматную пещеру ее рта. Их языки впервые встретились, и Блейз содрогнулась от остроты нового ощущения, – казалось, соприкоснулись два лоскута теплого бархата. Все ее тело ослабело от этого ощущения, но она все еще не решалась удовлетворить голод мужа.

Теперь между ними не осталось недосказанного. Эдмунд целовал ее, пока Блейз умоляюще не застонала, прося его прекратить, но вместо этого его горячие губы проложили дорожку по атласной шее Блейз. Сильные пальцы разорвали шелк ночной рубашки, отбросили ее прочь, и невинность Блейз предстала перед Эдмундом в золотистом отблеске огня из камина. С очередным стоном Эдмунд зарылся лицом в долину между ее девственных грудей, словно клеймо, впечатывая в ее плоть еще один жгучий поцелуй.

Его пальцы принялись дразнить сосок груди. Это прикосновение заставило Блейз почти облегченно вздохнуть, ибо она почувствовала, что избавляется от напряжения во всем теле. Однако она совсем не боялась! Нет, ей и в голову не приходили мысли о страхе! Она любила Эдмунда! В своей зарождающейся страсти она осмелилась признаться себе в этом. Да ведь она знала это почти с самого начала – она любила мужа! Только сейчас она понимала, почему ждала от него любви. Он склонился над маленьким упругим соском, который осторожно гладил пальцем. Блейз робко потянулась и провела ладонью по его темным волосам, и рот Эдмунда жадно впился в ее плоть. Блейз тихо застонала. Его губы бережно коснулись соска, и волны острого наслаждения пробежали по всему телу Блейз. Она принялась ласкать его шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Блейз (англ. blaze) – вспышка, пламя. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bertris-smoll/bleyz-uindhem>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)